

КАМИЛЛА
ЛЭКБЕРГ

ЖЕЛЕЗНЫЙ
КРЕСТ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР ОТ «ШВЕДСКОЙ АГАТЫ КРИСТИ»
ТОП-10 САМЫХ ПОПУЛЯРНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ЕВРОПЫ

22 миллиона экземпляров книг
в 60 странах на 30 языках

Камилла Лэкберг
Железный крест
Серия «Misterium»
Серия «Крафтовый детектив из
Скандинавии. Только звезды»
Серия «Фьельбака /
Патрик Хедстрём», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63574017
Железный крест / Камилла Лэкберг: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-53520-0

Аннотация

Двое подростков, желая тайком посмотреть коллекцию реликвий Второй мировой войны, проникают в дом чудаковатого историка и находят его убитым. Кому в тихом шведском городке Танумсхеде помешал старик, посвятивший жизнь разоблачению нацистских преступников? Этот вопрос интересует полицию, но еще больше – писательницу Эрику Фальк, ведь именно у покойного историка она пыталась узнать, как среди доставшихся ей в наследство вещей оказалась награда Третьего рейха – Железный крест – и почему мать всю жизнь хранила

запачканную кровью детскую рубашку. Бывшая подруга матери, ныне душевнобольная старуха, не может помочь Эрике, лишь бормочет что-то о старых костях, которые должны лежать спокойно... Но в течение двух месяцев внезапная смерть уносит других свидетелей юных лет матери.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

157

Камилла Лэкберг

Железный крест

Camilla Lackberg

Tyskungen

© Camilla Lackberg, 2007.

© С. Штерн, перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2011

Посвящается Вилле и Мейе

В комнате стояла полная тишина, если не считать тихого, зловещего, ни на секунду не умолкающего жужжания. Человек в кресле сидел неподвижно. Уже давно. Собственно, его нельзя было назвать человеком.

Сотни, если не тысячи мух роились вокруг застывшей фигуры – иногда садились, потом опять поднимались в воздух, выискивая место, где бы еще присесть. Особенно привлекала их голова с огромной раной. Характерный металлический запах крови сменился другим – запахом тления.

Кровь давно запеклась. Вначале она текла по затылку, по спинке кресла, образовала на полу небольшую лужу. Когда-то она была красной, полной живых кровяных телец, а теперь превратилась в черную, клейкую, смолообразную массу.

Мухи наелись досыта, отложили яйца, делать им здесь больше ничего не оставалось. Но все окна были наглухо закрыты, и мухи раз за разом бились о холодное стекло, пытаясь преодолеть невидимый барьер. Безрезультатно. Голод вновь давал о себе знать, и они в который раз облепляли неподвижное тело. Тело, которое когда-то было человеком.

Эта мысль не покидала Эрику с начала лета. Она тщательно взвешивала все «за» и «против», потом наконец решалась – и каждый раз откладывала. Останавливалась у лестницы. Ну да, конечно, все можно объяснить, отговорок сколько угодно – суета после свадьбы, Анна с детьми, в доме сплошной хаос... но себя не обманешь. Она просто-напросто боялась. Боялась ворошить прошлое... вполне могло выплыть что-то, о чем она предпочла бы не знать.

Эрика чувствовала, как у Патрика на языке вертится вопрос: почему бы тебе не разобраться с этой историей, просмотреть тетради, по крайней мере? Но он так этот вопрос и не задал, а задал бы – ей было бы нечего ответить. Что-то ее пугало... скорее всего, не хотелось разрушать уже сложившиеся привычные представления о своей семье. Воспоминания о матери... Не сказать, чтобы они были чересчур уж теплыми, но она с ними сжилась. Скорее всего, на чердаке найдутся только дополнительные подтверждения: да, так оно все и было. Но Эрика боялась, что привычная картина окружающего ее мира, привычные воспоминания и привыч-

ные оценки – все рухнет, и придется осмысливать новую реальность, мириться, сживаться, искать новые объяснения и новые ценности... все новое. Все станет другим. И как она будет жить?

Но сегодня она решилась. Вдохнула, выдохнула – и поставила ногу на первую ступеньку чердачной лестницы. Снизу доносился залиvistый смех Майи – должно быть, Патрик, как всегда, подбрасывал ее в воздух. Почему-то детский смех подействовал на Эрику успокаивающе. Она поднялась еще на одну ступеньку и загадала – если ступенька скрипнет, она откажется от всего предприятия. Нет, не скрипнула. Еще пять ступенек – и Эрика на чердаке.

Здесь было тихо. Пыль с открытого люка еще висела в воздухе. Они с Патриком порой подумывали – чердак можно переоборудовать, сделать мансарду. Когда Майя подрастет, у нее будет в доме свой угол. Сейчас-то чердак выглядел таким же, каким оставили его когда-то строители, – плохо обштургованные широкие доски пола, торчащие балки, будто шпангоуты старинного корабля, повсюду свалено барахло – елочные украшения в ящиках, старая обувь и чемоданы, ползунки и комбинезончики Майи, из которых она выросла, и прочее, и прочее... Все это наверняка никогда не понадобится, а выкинуть почему-то жалко.

Сундук стоял у торцевой стены – старый, обитый по краям жестью, деревянный сундук. У Эрики осталось смутное детское воспоминание – кажется, такие сундуки назывались

«американский коффер». Она присела на корточки, провела рукой по крышке и, почему-то не дыша, открыла замок. На нее пахнуло застоявшимся воздухом. Она сморщила нос – интересно, что это за запах? Чем может пахнуть в закрытом сундуке? Скорее всего, плесень, решила Эрика, и у нее тут же зачесалось в голове.

Она прекрасно помнила, как они с Патриком в первый раз открыли этот сундук. Детские рисунки – ее и Анны, какие-то поделки, принесенные домой с уроков труда. Странно, что мать их сохраняла, – ее, как казалось Эрике, совершенно не волновали их детские достижения. Она вспомнила, как начала доставать из сундука вещь за вещью – медленно, аккуратно раскладывая их на полу. То, что ее заинтересовало, лежало на самом дне, она это помнила.

Осторожно достала детскую рубашечку. Совсем крошечная... Пощупала ткань – что-то вроде батиста. Когда-то рубашка была белой, но пожелтела от старости. И эти пятна... Тогда она решила, что это ржавчина, но быстро сообразила – нет, не ржавчина. Высохшая кровь. Ее опять поразил этот нелепый, ледящий душу контраст – крошечная рубашонка с пятнами крови. Как она здесь оказалась? Чья это рубашка? И что заставило мать сохранить ее, не выкинуть сразу? Мало ли что, ребенок порезался, кровь пошла носом... не такое уж событие, чтобы годами хранить окровавленную рубашку.

Эрика отложила ее в сторону. Тогда, в первый раз, в сундуке лежал еще один памятный предмет, единственное, что

она вынула сразу, и теперь его тут не было. В испачканную кровью детскую рубашку раньше была завернута нацистская медаль. Эрика удивилась своей реакции – у нее пересохло во рту, сердце забилося быстрее, перед глазами замелькали кадры бесчисленных документальных фильмов. Что делает нацистская медаль здесь, в Фьельбаке? В ее доме, среди вещей, принадлежащих не кому-то, а ее матери? Она хотела тут же сунуть медаль назад в сундук, но Патрик убедил ее, что находку следует показать экспертам: может быть, удастся что-то понять. Она неохотно согласилась. Внутренний голос нашептывал ей: сунь эту чертову медаль назад и забудь.

Но любопытство взяло верх, и в начале июня она отнесла медаль к специалисту по истории Второй мировой войны. Теперь осталось дожидаться экспертизы – может быть, удастся что-то выяснить о происхождении нацистской награды и как она попала в Фьельбаку.

Но больше всего Эрику интересовали четыре синие тетради на самом дне сундука. Она еще в первый раз сразу узнала почерк матери – характерный острый почерк с наклоном вправо, хотя немного покруглее, почти ученический. Но тогда что-то ее остановило, а сейчас Эрика достала все четыре тетради и положила на пол. На обложках было старательно и крупно выведено: *ДНЕВНИК*. Дневник матери... Она сама не знала, как определить свои ощущения. Любопытство? Возбуждение? Нетерпение? Да, конечно... но и страх, сомнения и неприятное чувство, будто она подглядывает за

чужой жизнью. Есть ли у нее такое право? Право влезать в сокровенные мысли и чувства своей матери? Дневник – это дневник, он не предназначен для посторонних глаз. Мать писала не для того, чтобы кто-то, тогда или после, совал нос в ее секреты. И уж во всяком случае, не ее дочь. Но Эльси умерла, и спросить разрешения было не у кого. Она сама должна решить, как поступить с дневниками матери.

– Эрика? – Чересчур громкий голос Патрика прервал ее мысли.

– Да-а?

– Гости уже собираются!

Она посмотрела на часы. Господи, уже три! Сегодня Майе исполняется год, должны прийти самые близкие – родственники и друзья. Патрик, должно быть, решил, что жена заснула здесь, на чердаке.

– Иду! – Эрика отряхнула пыль, подумав, взяла тетради и рубашку под мышку и спустилась вниз.

Из гостиной на первом этаже уже доносился многоголосьй веселый шум.

– Прошу, прошу, добро пожаловать! – Патрик отошел в сторону, пропуская гостей.

Юхан и Элизабет, пара, с которой они познакомились через детей – у них был сын в том же возрасте, что и Майя, со звучным именем Вильям. Увидев Майю, тот издал победный клич, потопал к предмету своего обожания и, не медля ни секунды, с ловкостью хоккеиста НХЛ свалил девочку на

пол. Она горько заплакала, а родители подхватили сияющего Вильяма на руки.

– Знаешь, парень, так не годится, – с деланой серьезностью сказал Юхан своему любвеобильному отпрыску. – С девушками надо обращаться деликатно.

– А тебе не кажется, что его стиль ухаживания напоминает твой? – засмеялась Элизабет и удостоилась укоризненного взгляда мужа.

– Ладно, не ной, малышка, ничего страшного не случилось. – Патрик поднял плачущую дочь на руки и крепко обнял.

Майя мгновенно перестала плакать, пару раз всхлипнула и улыбнулась. Патрик поставил ее на пол и подтолкнул к обидчику.

– Посмотри-ка, что Вильям тебе принес! Пакет!

Магическое слово тут же возымело действие. Юхан поставил сына на пол, и тот с величайшей серьезностью протянул Майе перевязанный красивой кудрявой ленточкой сверток. Поскольку дети еще не достигли совершенства в искусстве хождения, дарителю оказалось трудно совместить вручение пакета с удержанием равновесия – со всего маху он хлопнулся на попу и собрался было заплакать, но, увидев сияющую мордашку Майи, тут же забыл про боль. Правда, судя по всему, она была не так уж и сильна – памперсы служат неплохими амортизаторами.

– Йи-и-и!.. – воскликнула Майя и начала дергать за лен-

точку.

Из этого, естественно, ничего не вышло, губы ее задрожали, и Патрик поспешил на помощь. Он развязал сверток, и на свет божий появился серый плюшевый слоник. Девочка прижала его к груди и начала от восторга перебирать ножками, что привело к тому же результату – Майя тоже приземлилась на попу, но ловко и изящно, как будто так и было задумано. Ее поклонник подошел и начал гладить слоника. Именинница издала ревнивый вопль, но Вильям, очевидно, истолковал его как поощрение и продолжил свои попытки. Явно назревал конфликт.

– Время выпить кофе, – сказал Патрик.

Он поднял Майю на руки и пошел в гостиную, Вильям с родителями последовали за ним. Мальчика посадили перед большим ящиком с игрушками, и мир был восстановлен, по крайней мере, на время.

– Всем привет! – Эрика сбежала по лестнице, пообнималась с гостями и погладила Вильяма по голове.

– Кому кофе? – крикнул Патрик из кухни и получил в ответ единоголасное «мне!».

– И как ты себя чувствуешь в качестве жены? – Юхан улыбнулся и обнял Элизабет за плечи.

– Спасибо, как всегда. Разве что Патрик упрямо называет меня «женкой». Может быть, посоветуете, как отучить его от этого? – Эрика подмигнула приятельнице.

– Как-как... Не сдаваться, вот как. Постепенно «женка»

станет «господином генералом». Так что не беспокойся...
Кстати, где Анна?

– Она у Дана, они теперь живут вместе... – Эрика многозначительно подняла брови.

– Легки на подъем. – Элизабет тоже подняла брови: нормальная реакция на нормальную сплетню.

В дверь позвонили. Эрика вскочила.

– Это наверняка они. Или Кристина...

Имя Кристины она произнесла так, словно у нее во рту были кусочки льда. После свадьбы отношения со свекровью постепенно становились все более и более натянутыми. Главной причиной было настойчивое желание Кристины отговорить Патрика брать четырехмесячный отпуск по уходу за ребенком. «Как ты можешь! Ты должен думать о карьере!» Но Патрик уговорам матери не поддался – наоборот, чем больше она нажимала, тем он упорнее настаивал, что всю осень дочкой будет заниматься он и только он.

– Привет! Я не ошиблась? Это здесь, кажется, у кого-то день рождения? – донесся из прихожей голос Анны.

У Эрики стало тепло на душе – как всегда, когда она слышала веселый голос младшей сестры. Много лет этих радостных ноток было не слышно, но теперь Анна влюблена и счастлива.

Поначалу Анна очень переживала, что объектом ее любви оказался именно Дан. Но Эрика только посмеялась: ее собственные отношения с Даном закончились давным-дав-

но, целую вечность назад. Конечно, такая рокировка казалась немного странной, но не более. Куда важнее было другое: к Анне вернулось хорошее настроение.

– А где моя любимица? – пророкотал огромный светлосытый Дан, заглядывая в комнату.

Между ним и Майей был настоящий роман: едва слышав голос Дана, девочка тут же появилась в прихожей и двинулась к нему, протягивая ручонки.

– Ки-и?

Эрика была готова поклясться, что в Майином восклицании прозвучали отчетливые вопросительные интонации. Девчушка, очевидно, начала что-то понимать насчет дня рождения и связанных с этим событием преимуществ.

– А как же, а как же! – Дан кивнул Анне.

Та протянула Майе большой розовый пакет, перевязанный серебряной ленточкой.

Именинница немедленно высвободилась из объятий Дана и приступила к вскрытию. На этот раз ей помогала Эрика, и вскоре в руках у Майи оказалась большая кукла с закрывающимися глазами.

– Ука! – счастливо выдохнула девочка, изо всех сил обняла куклу и потопала к Вильяму хвастаться.

Новый звонок в дверь – пришла Кристина. Эрика терпеть не могла манеру свекрови – обозначить свое появление коротким символическим звонком и, не дожидаясь ответа, вломиться в прихожую.

Процедура разворачивания пакета повторилась снова, но на этот раз успех был, мягко говоря, скромным. Майя задумчиво посмотрела на стопку тряпок и заглянула в пакет еще раз – нет ли там чего-нибудь более интересного.

– Я в последний раз обратила внимание, что она выросла из своих кофточек, а вчера в «Линдексе» была распродажа, три по цене двух. – Кристина довольно улыбнулась. Реакцию внучки она просто-напросто не заметила.

Эрика с трудом сдержала желание произнести сентенцию на тему, что только законченный идиот дарит тряпки годовалому младенцу. Не только Майя разочарована, но свекровь ухитрилась воткнуть шпильку и ей, Эрике: ясное дело, она настолько плохая мать, что не в состоянии следить за гардеробом своего ребенка.

– Настал час торта! – У Патрика было идеальное чутье, когда следует перевести разговор на другие рельсы.

Эрика сдержалась, и они проследовали в гостиную. Сейчас должна была начаться главная церемония дня – торжественное задувание свечей на торте. «Свечей...» Громко сказано – свечка была всего одна, по числу прожитых именинницей лет. Майя, по-видимому, осознавала серьезность процедуры – прежде чем дунуть, она несколько раз надувала на пробу щеки, но все равно не получилось: она щедро оросила торт брызгами слюны, а свечка продолжала гореть как ни в чем не бывало. При следующей попытке Патрик дунул у нее из-за плеча, и цель была достигнута. А когда все запе-

ли традиционную песню в честь новорожденной «жить ей и жить ей, жить ей и жить ей, жить ей и жить ей до старости лет», у Эрики к горлу подкатил комок. Исподтишка посмотрела на Патрика – тот тоже тронут. Их крошке исполнился год. Она уже бегает, хлопает в ладоши, когда слышит заставку «Булибумбы», самостоятельно ест, награждает родителей поцелуями, мокрее которых не сыщешь во всей Северной Европе, и обожает весь мир. Эрика улыбнулась Патрику, и он улыбнулся ей в ответ. Жизнь прекрасна.

Мельберг тяжело вздохнул. В последнее время он часто вздыхал. Весенние неудачи не выходили из головы. Хотя удивляться было нечему, сам и виноват – расслабился, потерял контроль, позволил себе плыть по течению. Такое не проходит безнаказанным. Кто-кто, а он-то должен был это понимать. Ну что ж, хороший урок на будущее. Он не из тех, кто повторяет ошибки.

– Бертиль? – раздался настырный голос Анники из приемной.

Отработанным элегантным жестом он откинул со лба волосы и неохотно поднялся. Не так много было женщин на свете, кто мог бы ему приказывать, но Анника Янссон как раз принадлежала к этой группе. С годами он даже начал испытывать к ней уважение – и тут она, пожалуй, одна составляла всю категорию подобных людей. Весной в отделе все время работали какие-то бабы, и ничего хорошего из этого

не вышло. А теперь еще одна... Он опять вздохнул. Неужели так трудно найти нормального парня в полицейской форме? Но нет, начальство упрямо посылало на замену Эрнсту Лундгрону каких-то девиц. Тридцать три несчастья.

Внезапно из приемной послышался собачий лай. Неужели Анника опять привела на работу одного из своих питомцев? Он ведь уже говорил с ней на эту тему.

Но нет, это был вовсе не один из несчетных лабрадоров Анники. В приемной стояла маленькая темнокожая женщина, а на поводке у нее вертелся большой лохматый пес неопределенного цвета и породы.

– Я его нашла прямо у вашего подъезда, – сказала посетительница с заметным стокгольмским акцентом. – Совсем молодой, почти щенок.

– Вот как! И что он здесь делает? – неласково произнес Бертиль и повернулся, чтобы уйти.

– Это Паула Моралес, – поспешила вставить Анника.

Бертиль остановился. Ясное дело, имя звучит на испанский манер. Но какая же она маленькая, пальцем перешибешь. А взгляд – как у чемпиона мира по боксу.

– Рада познакомиться. – Она протянула ему руку. – А песик бегал сам по себе. Ничей, судя по всему. Или такой хозяин, что лучше бы его совсем не было...

Все это она произнесла таким не терпящим возражений тоном, что Бертиль мысленно поинтересовался, куда же она клонит.

– Так оставьте его где-нибудь, – предложил он.

– В этом городе подходящего места нет. Здесь никто не заботится о бездомных собаках. Анника мне уже сказала.

– Разве нет? – на всякий случай спросил Мельберг.

Аника покачала головой: нет. И не было.

– Ну что ж... возьмите его к себе. – Он сделал попытку отстраниться от песика, прижавшегося к его ноге.

Тот, видимо, понял это как приглашение поиграть и улегся на его правый башмак.

– Взяла бы, если бы могла. У нас есть собака, и она терпеть не может конкурентов. – Взгляд Паулы оставался таким же требовательным, если не сказать грозным.

– А ты, Анника? Тебе-то все равно – собакой меньше, собакой больше, – чуть ли не просительно сказал Мельберг.

Черт их всех подрал, почему он вынужден заниматься такой ерундой! Начальник он здесь или кто?

Аника отрицательно покачала головой.

– Мои привыкли только друг к другу. С чужаком ничего не выйдет.

– Вы его и возьмете, – неожиданно решила Паула и протянула Бертилю поводок.

От неожиданности Мельберг его взял. Пес еще тесней прижался к нему и заскулил.

– Вы же видите, вы ему понравились.

– А он мне? Я же не могу... у меня нет этих... – Мельберг никак не мог придумать подходящую реплику.

– У тебя же нет никаких зверей дома! Пусть поживет пару дней, а я попрошаю, может, найдется кто-то. Наверное, он просто потерялся, откуда же тогда поводок? А нет, так найдем ему хозяина. Не можем же мы просто выбросить его на улицу. Еще под машину попадет.

Мельберга последний аргумент почему-то тронул.

– Ладно, – буркнул он, – возьму этого крокодила... но только на пару дней, не больше. И вымой его, иначе и на порог не пушу! – Он погрозил Аннике пальцем.

– Никаких проблем! – воскликнула Анника с облегчением. – Пошли в душ, зверушка! – Она приняла у начальника поводок и добавила: – Спасибо, Бертиль.

– Чтобы он блестел, когда я его увижу в следующий раз, – проворчал Мельберг. – Иначе, как сказано, от ворот поворот!

Он вышел из приемной и с грохотом захлопнул за собой дверь. Анника и Паула переглянулись и засмеялись. Пес весело тявкнул, подошел к батарее и постучал по ней хвостом – наверное, на улице было слышно.

– Желаю приятного времяпрепровождения! – Эрика помахала Майе, но дочь не заметила – была увлечена мультиком.

– Еще бы! – Патрик чмокнул Эрику в щеку. – Несколько месяцев можешь за нас не беспокоиться.

– Звучит так, словно я отправляюсь за тридевять земель. –

Эрика засмеялась. — Не так-то легко от меня избавиться. Для начала увидимся за ланчем.

— А ты сможешь работать дома? Наверняка будешь все время отвлекаться...

— Попробую. А ты просто вообрази, что меня нет.

— Никаких проблем. Как только ты закроешь за собой дверь кабинета — считай, что перестала для меня существовать. — Он подмигнул.

— Посмотрим, посмотрим. — Эрика поставила ногу на ступеньку. — Во всяком случае, попробовать можно. Иначе придется арендовать офис.

В кабинет она поднялась со странным чувством. Целый год она провела дома с Майей. Ей уже начинало казаться, что она не дожидется этого дня, когда сможет наконец передать эстафету Патрику и заняться взрослыми делами. Она до смерти устала от площадок, песочниц и детских телевизионных программ. В конце концов, песочный пирожок вряд ли мог сыграть роль удовлетворительного стимула для интеллектуальной деятельности, даже если был близок к совершенству. Как бы она ни любила свою дочь, необходимость в сотый раз петь песенку «Имсе-Вимсе-паучок» приводила ее в бешенство. Пусть теперь Патрик поет.

Эрика устроилась на стуле поудобнее и нажала на кнопку, наслаждаясь знакомым жужжанием вентиляторов. Сдача ее новой книги о громких убийствах последних лет назначена на февраль, и за лето она успела собрать почти все нужные

материалы, так что теперь оставалось только засесть за компьютер и писать. Она открыла «Word», нашла документ под названием «Элиас» (имя первой жертвы серийного убийцы) и приготовилась работать. В дверь осторожно постучали.

– Извини, что беспокою. – Патрик был явно смущен. – Не могу найти комбинезон.

– В сушильном шкафу.

Патрик молча кивнул и закрыл дверь.

Эрика пробежала пальцами по клавиатуре – даже после недели простоя навыки быстрой печати слабели. Опять стук в дверь.

– Еще раз извини, скоро оставлю тебя в покое... но как одевать Майю? На улице довольно прохладно, но она так легко потеет... Как бы не простудилась, если переборщить с одеждой. – Патрик глуповато улыбнулся.

– Надень на нее синий свитерок и пару колготок под комбинезон... и тонкую шапочку.

– Спасибо.

Дверь закрылась. Эрика начала было писать, но тут из гостиной донесся дикий рев. Послушав две минуты, она вздохнула и спустилась.

– Я помогу... Одевание – не наша сильная сторона.

– Спасибо, я заметил... – У Патрика на лбу выступили капли пота.

Майя была разъярена, отчего силы ее удесятерились, и бороться с ней было вовсе не легко.

Через пять минут девочка постепенно успокоилась и дала себя одеть, хотя и продолжала дуться.

– Погуляйте подольше, маме надо поработать.

– Извини, конечно... Наверное, понадобится несколько дней, чтобы освоить все эти процедуры. – Патрик выглядел явно смущенным.

– Я понимаю, – успокоила его Эрика и плотно захлопнула за ними дверь. Налила себе большую чашку кофе из термоса и решительно поднялась в кабинет. Наконец-то.

– Ш-ш-ш... Что ты так кричишь?

– Да брось ты... Мамаша сказала, они оба уехали. Все лето почту никто не брал, она еще с июня время от времени освобождает их почтовый ящик. Так что можешь хоть обкричаться.

Маттиас засмеялся, но, похоже, приятель продолжал сомневаться. Этот старый дом почему-то казался Адаму жутковатым, а тем более сами старики. Маттиас может говорить все, что ему хочется, но осторожность надо соблюдать.

– И как ты собираешься туда проникнуть?

В голосе его прозвучала какая-то жалкая нотка, и он тут же себя за это возненавидел. Ему часто хотелось быть похожим на Маттиаса. Смелый, отчаянный, ничего не боится – иногда до безрассудства. Но таким уж он был, и самые лучшие девочки доставались тоже ему.

– Найдем способ. Как правило, он находится.

– Понятно... У тебя, очевидно, большой опыт взломщика. – Адам засмеялся, стараясь не производить при этом шума. Почти беззвучно.

– Я много чего делал такого, что тебе даже и не снилось, – сказал Маттиас слегка надменно.

Ну да, конечно, подумал Адам, но возражать не стал. Если Маттиас хочет казаться круче, чем есть на самом деле, – ради бога. В спор с ним он вступать не собирался.

– Как ты думаешь, что у него там? – с горящими глазами спросил Маттиас.

Они крались вокруг дома – должно же что-то быть, дверь или щель в подвал, ну хоть что-нибудь...

– Откуда мне знать! – Адаму все меньше и меньше нравилось затеянное предприятие.

– Наверняка какие-нибудь крутые нацистские цацки! – Маттиас все сильнее возбуждался с каждой минутой, а может, сам себя подогревал.

С тех пор как они делали эту школьную работу о войсках СС, в него точно бес вселился. Он прочитал кучу книг о Второй мировой, о нацизме... А когда узнал, что их сосед всего-то через дом – известный эксперт по Третьему рейху, соблазн пересилил осторожность.

– А может быть, он ничего такого дома и не держит, – попытался Адам охладить пыл приятеля. Впрочем, он прекрасно знал, что из этого ничего не выйдет. – Папа сказал, старик раньше преподавал историю, так что никаких цацек

может и не быть. Книги там, газеты... ну и все такое.

– Скоро узнаем! – Глаза у Маттиаса заблестели. – Смотри! Окно не заперто!

Адам с тоской понял, что Маттиас прав. В самом деле, окно на торцевой стене было закрыто неплотно. А он-то втайне надеялся, что дом окажется неприступным.

– Надо что-то просунуть в щель. – Маттиас огляделся. – А вот и решение.

Он поднял с земли отвалившийся оконный крючок.

– Посмотрим. – Он поднял крючок над головой, просунул в щель и попробовал нажать, действуя как рычагом. Рама не сдвинулась с места. – Черт, должно получиться! – От усердия он даже высунул язык.

Это было трудно – стоя чуть не на цыпочках и подняв руки над головой, жать изо всех сил на крючок. Начинаящий взломщик даже задохнулся, но под конец ему удалось чуть-чуть сдвинуть раму. Крючок вошел на пару сантиметров глубже.

– Это будет выглядеть как взлом! – прошипел Адам, но Маттиас словно не слышал.

– Теперь посмотрим на это чертово окно. – Маттиас надавил еще раз. – Йес! – Он победно потряс кулаком и повернулся к Адаму. – Теперь ты должен мне помочь туда залезть.

– Подожди, наверняка в сарае есть лестница или табуретка...

– К черту табуретку! Помоги мне забраться, а я тебя потом

втащу.

Адам послушно встал спиной к стене и сцепил руки. Каблук Маттиаса врезался в ладонь. Это было довольно неприятно, но Адам преодолел боль и поднял приятеля на уровень груди.

Маттиас подтянулся, ухватился за что-то, взобрался еще выше и наконец поставил ногу на подоконник. Сморщил нос – чем это так воняет? Маттиас отодвинул гардину, поднял рулонную штору и огляделся. Похоже на библиотеку, но в комнате полумрак, все остальные шторы опущены.

– Здесь вонь в двести лошадиных сил! – Зажимая пальцами нос, он выглянул наружу.

– Ну и наплюй, – с надеждой предложил Адам снизу.

– Ну да, как же! Для того и лезли, чтобы сразу смыться. Веселье только начинается... Давай руку!

– А ты удержишь?

– Неужели нет? Давай, давай! – Адам поднял руку, и Маттиас потянул изо всех сил.

Оказалось, это далеко не так просто, как он себе представлял, но Адаму в конце концов удалось ухватиться за подоконник, и Маттиас прыгнул на пол, чтобы освободить ему место. Под ногами что-то тихо захрустело – в полутьме не разглядеть что. По звуку – засохшие цветочные лепестки.

– Что за черт! – У Адама тоже захрустело под ногами. – Боже, какая вонь!

– Я же говорил! – весело подтвердил Маттиас. Он уже

немного принюхался и меньше замечал тяжелый запах в комнате. – Теперь посмотрим, чем старикан нас порадует.

– А если кто-то увидит?

– Ты что, сбрендил? Кто нас увидит? Подними же шторы наконец!

Адам поднял рулонные шторы – одну за другой. Труд невелик – нажал кнопку, и те с жужжанием улетают вверх. В комнате стало светло.

– Ничего комнатка! – Маттиас с восхищением огляделся.

Помещение и в самом деле показалось им огромным. Все стены заняты книжными шкафами и полками – от пола до потолка. В углу у небольшого журнального столика – два кожаных кресла. В дальнем конце – гигантский письменный стол, а около него – старинный вращающийся стул с высокой спинкой. Адам шагнул вперед, но хруст под ногами заставил его остановиться. На этот раз они поняли, в чем дело.

– Вот это да... – прошептал Адам в изумлении.

Весь пол был усеяндохлыми мухами. Мухи валялись и на подоконниках. Ребята невольно вытерли руки о штанины.

– Фу, какая мерзость! – Физиономию Маттиаса исказила гримаса отвращения.

– Откуда их столько? – Адам уставился на пол.

Он, разумеется, видел американский сериал о судебных медиках, и вывод напрашивался сам собой. Дохлые мухи, запах... Он отбросил эту дикую мысль, но не мог оторвать глаз от стула, развернутого к ним спинкой.

– Маттиас?

– Да? – Его приятель тщетно пытался найти в сугробахдохлых мух место, куда можно было бы поставить ногу.

Адам не ответил. Он медленно двинулся к столу. Что-то внутри его подсказывало – лучше повернуться и исчезнуть из этого дома. Выпрыгнуть из окна и бежать куда глаза глядят. Но любопытство пересилило – ноги сами несли его вперед.

– Чего тебе? – переспросил Маттиас, но тут же осекся, увидев напряженное, покрытое каплями пота лицо Адама.

Тот протянул дрожащую руку к стулу. Кожа обивки была прохладной на ощупь. Он толкнул спинку и отошел на шаг назад. Стул начал поворачиваться... За спиной Адам слышал странные звуки – у Маттиаса началась неудержимая рвота.

Внимательные карие глаза отслеживали каждое его движение. Мельберг пытался сделать вид, что этого не замечает, но успеха не достиг. Пес не отходил ни на шаг и не сводил с него обожающего взгляда. Наконец Мельберг сдался, достал из нижнего ящика письменного стола кокосовое печенье и кинул на пол. Через две секунды печенья как не бывало, и Мельбергу показалось, что пес ему улыбнулся. Конечно, показалось. Ладно, по крайней мере, чистенький. Анника постаралась на славу – часа полтора мыла его с шампунем. И все равно Бертилю не особенно понравилось, когда сегодня

утром он обнаружил пса в постели. Прямо у себя под боком. Блох простым шампунем не выведешь. Мысль, что шерсть собаки кишит крошечными злобными насекомыми, которые только и ждут удобного момента, чтобы на него наброситься, выводила Мельберга из себя. Впрочем, Анника поклялась, что никаких нежелательных форм жизни у щенка она не обнаружила. Но спать в одной постели с собакой – уж извините. Больше он этого не допустит.

– И как же мы тебя назовем? – спросил он у пса, подумав при этом, каким идиотом выглядит со стороны: надо же, солидный человек, полицейский, в служебном кабинете всерьез беседует с четвероногой шавкой!

Но имя надо придумать. Он огляделся в надежде найти какую-нибудь подсказку. Но в голову лезли только глупые, банальные имена: Фидо, Лудде... Нет, это все не пойдет. Вдруг он хохотнул – его посетила блестящая мысль. Если говорить по совести, ему не хватало Лундгрена, не то чтобы очень, но так, самую малость. Он, конечно, вынужден был его уволить, но... почему бы не назвать пса Эрнстом? В этом есть определенный юмор... Он снова хохотнул.

– Эрнст... что скажешь, старина? Звучит неплохо, а? – Мельберг достал из ящика еще одно печенье.

Конечно же, став Эрнстом, псина заслужила поощрение. А если разжиреет... ладно, не его, Бертиля Мельберга, забота. Через пару дней Анника наверняка найдет желающих взять пса, и тогда не будет иметь ровно никакого значения,

сожрал он одно печенье или два.

От резкого телефонного звонка щенок подпрыгнул, как показалось Бертилю, всеми четырьмя лапами, и даже он сам вздрогнул.

– Бертиль Мельберг.

Он сначала не понял, о чем речь, – голос в трубке был такой взвинченный, на грани истерики, что он смог различить только отдельные слова.

– Извините, но вам придется говорить помедленнее. Повторите еще раз, что вы сказали...

Наконец он понял, и брови сами собой поползли вверх.

– Труп? Где труп?

Мельберг выпрямился на стуле. Пес, которого теперь звали Эрнстом, подражая хозяину, тоже выпрямился и наострил уши. Мельберг быстро записал адрес в блокноте и закончил разговор, крикнув только:

– Оставайтесь на месте. Никуда ни шагу! – Он вскочил со стула.

Эрнст, словно передразнивая его, тоже вскочил и завилял хвостом.

– А ты побудешь дома! – В голосе Мельберга прозвучали несвойственные ему авторитарные нотки.

Пес, к его удивлению, послушался и замер, ожидая дальнейших инструкций.

– Место! – вспомнил Бертиль стандартную команду и показал щенку на принесенную Анникой огромную корзину в

углу комнаты.

Новоиспеченный Эрнст неохотно поплелся в угол, улегся в корзину и, положив голову на лапы, грустно уставился на хозяина, чем немало польстил его самолюбию – хоть одна душа беспрекословно выполняет его распоряжения. Вдохновленный этим послушанием, Бертиль пошел по коридору, крича, как кондуктор в поезде, всем и никому:

– Поступило заявление – найден труп! Поступило заявление – найден труп!

Из трех дверей мгновенно высунулись головы – тоже три, по числу дверей: рыжая – Мартина Мулина, седая – Йосты Флюгаре и угольно-черная – Паулы Моралес.

Мартин среагировал быстрее всех.

– Труп? – переспросил он и вышел в коридор.

Из двери в приемную появилась Анника.

– Позвонил какой-то подросток. Они с другом валяли дурака и влезли в дом между Фьельбакой и Гамбургсундом. Думали, хозяин уехал. И наткнулись на труп.

– Владельца? – спросил Йоста.

Мельберг пожал плечами.

– Откуда мне знать? Я велел им оставаться на месте, так что надо выезжать сразу. Мартин! Ты с Паулой в первой машине, мы с Йостой во второй.

– А может быть, Патрику позвонить? – осторожно предложил Йоста.

– Кто это – Патрик? – Паула переводила взгляд с Йосты

на Мельберга.

– Патрик Хедстрём, – пояснил Мартин. – Тоже наш, только сейчас он в отпуске по уходу за ребенком.

– Никакому Хедстрёму звонить не надо, – сказал Мельберг и презрительно хмыкнул. – Я же на месте, – важно добавил он и, стараясь выглядеть энергичным, быстрым шагом пошел в гараж.

– Буль-буль, – пробормотал Мартин и поймал на себе удивленный взгляд Паулы. – Ладно, забудь! – И, не удержавшись, добавил: – Придет время – поймешь.

Паула решила больше не спрашивать. И правда, подумала она, в свое время разберусь.

Эрика тяжело вздохнула. Теперь в доме было тихо. Даже слишком тихо. В течение года слух был настроен улавливать малейший писк, малейшее хныканье, а теперь царила полная, оглушительная, тревожная тишина. Курсор так и мигал на первой строчке не начатого, хотя уже озаглавленного и даже сохраненного документа. За полчаса она не напечатала ни одной буквы – в голове царила полная пустота. Эрика просмотрела свои заметки, потом начала перелистывать копии статей, сделанные за лето. После изнурительной переписки ей удалось наконец заказать свидание с главной героиней этого шумного дела, убийцей, но не раньше чем через три месяца. Пока придется исходить из архивных материалов. Беда в том, что у нее не было ни одной мысли, а если

и были, то настолько смутные, что оформить их в слова не представлялось никакой возможности. Ею постепенно овладела паника, знакомая, наверное, всем пишущим. Куда подевались слова? Может, она написала уже все, что ей положено, выбрала свою квоту и больше ничего и никогда не сумеет создать? Логика подсказывала ей, что это не так, что похожее чувство она испытывала всякий раз, начиная новую книгу, но паника и логика несовместимы. Каждый раз одна и та же история. Что-то вроде родов, но сегодня дело шло особенно туго.

Она рассеянно сунула в рот ириску «Думле» и покосилась на синие общие тетради на краю стола рядом с компьютером. Записи матери... Эрика никак не могла решиться начать их читать, разрываясь между любопытством и страхом узнать что-то неприятное, что перевернет ее жизнь. Наконец она протянула руку, взяла первую тетрадь и взвесила на ладони. Тонкая и легкая... примерно такие же были у них в начальной школе. Она осторожно провела по тетради рукой. Фиолетовые чернила с годами выцвели, но характерный золотистый блеск сохранился. «Эльси Мустрём». Девичья фамилия матери. Потом она вышла замуж за отца Эрики и стала Фальк.

Эрика медленно открыла тетрадь. Страницы были разноцветны тонкими голубыми линиями. В самом верху стояла дата: «3 сентября 1943 года».

Неужели эта война никогда не кончится?

Фьельбака, 1943 год

Неужели эта война никогда не кончится?

Эльси грызла ручку со вставным пером и никак не могла придумать, что писать дальше. Как выразить свои мысли о войне, именно ее мысли, которые приходят в голову только ей и никому больше? Она никогда до этого не вела дневник и даже не могла бы сказать, откуда взялось это желание. В один прекрасный день возникла потребность изложить на словах все, что она думает об их насколько обыденной, настолько и странной жизни.

Она почти уже и не помнила начала войны – сейчас ей было тринадцать, скоро четырнадцать, а тогда только девять. К тому же и помнить было особенно нечего – поначалу война давала о себе знать только в разговорах и поведении взрослых: они прилипали к радиоприемникам, обсуждали новости, настроение было тревожное и приподнятое. Всем страшно, но и интересно. А жизнь, ежедневная, практическая жизнь почти не менялась. Баркасы, как и до войны, уходили в море и возвращались, улов был то хорошим, то плохим. А на берегу женщины занимались теми же делами, что и их матери, и матери их матерей, и матери матерей их матерей. Как и в незапамятные времена, надо было

рожать детей, стирать белье, прибираться в доме, готовить еду. Бесконечный кругооборот, бесконечно повторяющийся цикл рождений и смертей, а теперь война грозила его нарушить. Такая угроза придавала жизни остроту и интерес, и девочка это чувствовала еще тогда, в начале войны. А теперь, когда война подошла почти к их порогу, и подавно.

– Эльси! – Голос матери с первого этажа.

Девочка поспешно закрыла тетрадь и сунула в верхний ящик своего крошечного письменного стола у окна. Сколько часов она просидела за этим столом – не сосчитать. Встала, расправила складки на платье и сбегала вниз.

– Эльси, мне нужна твоя помощь. Принеси воды.

Мать выглядела очень уставшей. Все лето они провели в этой маленькой комнатке в полуподвале – дом сдавали в аренду дачникам. В условия аренды входили также уборка, готовка – в общем, они играли роль прислуги при гостях. Как раз в это лето гости попались особо требовательные – адвокат из Гётеборга с женой и с тремя неуправляемыми детьми. Хильма, мама Эльси, металась с утра до ночи. Надо было то стирать их одежду, то готовить коробки с едой для лодочной прогулки, бегать в магазин, варить и жарить – и при этом никто не снимал с нее ответственности за ее собственное хозяйство.

– Посиди немножко, мама, – сказал Эльси ласково и положила руку ей на плечо.

Мать вздрогнула – в их семье было не особенно принято

прикасаться друг к другу, но через секунду выражение лица ее смягчилось, она благодарно накрыла руку Эльси своей огрубевшей от работы ладонью и тяжело опустилась на стул.

– Да... слава богу, уехали. Ну и народ! «Не будете ли вы, Хильма, так добры... Не могли бы вы, Хильма, представить себе, что вы могли бы...» Сказали бы лучше, сделай, мол, то-то и то-то. – Хильма передразнила их певучие интонации и прикрыла рот рукой – в их кругу не было принято высмеивать господ. Важно знать свое место.

– Я понимаю, как ты устала. С ними и правда нелегко. – Эльси налила воду в кастрюлю и поставила на плиту.

Когда вода закипела, она насыпала кофейного суррогата, налила в кружку и протянула матери. Плеснула и себе немного.

– Сейчас принесу воду, только давай сначала выпьем по глоточку кофе.

– Ты добрая девочка, Эльси. – Мать отхлебнула глоток отвратительного желудевого напитка.

Вообще она любила пить из блюда, зажав в зубах кусочек сахара, но сахар надо было экономить, да и варево в кружке мало напоминало настоящий кофе.

– Отец не говорил, когда вернется? – спросила Эльси и прикусила язык.

В эти времена такой вопрос звучал довольно нелепо. Со всем недавно «Экерё» был торпедирован и пошел на дно вместе с экипажем, после чего вопрос о возвращении приоб-

рел совершенно новый смысл. Но работа есть работа. Выбора нет. Грузы надо доставлять, сети надо ставить и выбирать. Война войной, а условия жизни не меняются. Спасибо еще, что баржам вообще разрешено ходить в Норвегию. Считалось, что это даже безопаснее, чем линейная навигация, где маршруты иногда пролегали вне заграждений. Траулеры из Фьельбаки по-прежнему выходили в море, и, хотя улов становился все беднее, баржи в норвежские гавани отправлялись не пустыми. Отец Эльси на своей барже доставлял из Норвегии лед, а если повезет, туда шел тоже не порожняком.

– Молюсь только... Молюсь только, чтобы он был поосторожнее...

– Кто? Папа? – спросила Эльси, хотя прекрасно знала, кого имеет в виду мать.

– Кто же еще... – Хильма снова отхлебнула из кружки и брезгливо сморщилась. – На этот раз он опять взял с собой сынишку доктора... Добром это не кончится, вот что я тебе скажу.

– Аксель смелый парень, он делает все, что может. И папа ему помогает по мере сил.

– А риск какой? – Хильма покачала головой. – Когда с ним этот парень и его дружки... Наверняка втянут отца в какую-нибудь историю.

– Мы же должны хоть чем-то помогать норвежцам, – тихо сказала Эльси. – Если бы это с нами случилось, они бы нам помогали. Аксель с друзьями – молодцы.

– Хватит об этом. Принесешь ты когда-нибудь воду или нет? – Хильма внезапно рассердилась, встала и пошла к мойке вымыть чашку.

Но Эльси не обиделась. Она знала, что мать то и дело срыгается из-за постоянного страха за отца.

Она посмотрела на преждевременно ссутулившуюся спину матери, взяла ведро и пошла к колодцу.

* * *

Неожиданно для себя Патрик наслаждался прогулкой. За последний год он пренебрегал тренировками, но если в эти четыре месяца родительского отпуска будет каждый день совершать такие походы, намечающийся животик наверняка исчезнет. Страсть Эрики к конфетам и пирожным заразила и его, и только по этой причине он прибавил не меньше двух килограммов.

Он миновал заправку и быстро покатил коляску по дороге. Заранее запланировал: до мельницы и обратно. Майя сидела в коляске прямо, как суслик, и весело бормотала что-то себе под нос. Она обожала такие прогулки. Чуть не каждый встречный удостаивался широкой улыбки и восклицания «хей!». Она и в самом деле солнечный лучик, но иногда становится совершенно невыносимой. В Эрику пошла, решил Патрик и улыбнулся.

У его были все причины радоваться жизни. Наконец-то

дом остался в их, его и Эрики, полном распоряжении. Не то чтобы он недолюбливал Анну и ее детей, но месяц за месяцем тереться друг о друга задами было довольно утомительно. И вся эта история с матерью... Он всегда оказывался на линии огня между Кристиной и Эрикой. Патрик, разумеется, понимал, насколько неприятна Эрике манера матери вламываться в дом с целым ворохом замечаний по ведению хозяйства и воспитанию детей. Но Эрика могла бы последовать его примеру и просто-напросто пропускать все эти комментарии мимо ушей. И потом, могла бы быть поснисходительней: Кристина живет одна, у нее никого нет, кроме сына и его семьи. Его сестра Лотта в Гётеборге – тоже, впрочем, не за тридевять земель, но каждый день не наездишься, а сын и внучка под боком. И к тому же Эрика могла бы признать, что есть и преимущества: пару раз они уходили поужинать в ресторан, и Кристина беспрекословно соглашалась посидеть с малышкой.

– Ля, ля! – воскликнула Майя, что означало «глянь, глянь!».

Своим крошечным пальчиком она показывала на луг, где паслись лошади. Патрик был равнодушен к лошадям, но не мог не признать, что на редкость мирные с виду горные лошадки выглядели и в самом деле очень мило. Отец и дочь задержались посмотреть, и Патрик сделал в памяти закладку: не забыть в следующий раз взять яблоки или морковку.

Насмотревшись на лошадей, Майя приказала катить ее

дальше. Они дошли до мельницы, развернулись и отправились назад в Фьельбаку.

По привычке Патрик остановился полюбоваться церковью на вершине холма и как раз в эту минуту увидел знакомую машину. Никаких сирен, никаких голубых мигалок, скорее всего, вполне рядовое задание, но пульс почему-то участился. Сразу за первой на холме появилась вторая машина, и Патрик нахмурился. Обе машины, весь полицейский парк. Значит, не совсем рядовое. Он дождался, пока автомобиль подъедет поближе, и жестом поздоровался. За рулем сидел Мартин. Майя весело махала руками – в ее мире любое мелкое событие было важным.

– Привет, Хедстрём. Прогуливаешься? – Мартин показал Майе «козу», и она заулыбалась во весь рот.

– Да, надо же как-то поддерживать форму. Куда это вы собрались?

Вторая машина тоже остановилась. Патрик помахал Бертилю и Йосте.

– Привет! Я – Паула Моралес.

Только сейчас Патрик заметил, что рядом с Мартином сидит незнакомка в полицейской форме. Он пожал протянутую руку и представился.

– Сигнал – нашли труп. Здесь, поблизости.

– Убийство? – нахмурился Патрик.

Мартин развел руками:

– Ничего не знаем. Какие-то пацаны обнаружили тело и

позвонили.

Мельберг резко просигналил. Мартин аж подпрыгнул.

– Слушай, – быстро сказал он, – давай с нами, а? С ним всегда все наперекосяк... Ну, ты сам знаешь с кем.

– И как ты это себе представляешь? Со мной девчушка, и вообще я в отпуске.

– Ну пожалуйста! – Мартин умоляюще склонил голову набок. – Только глянешь, и все... А коляска поместится в багажнике.

– А детское сиденье...

– Да, тут ты прав. Тогда прогуляйся. Это совсем недалеко, за поворотом. Первый переулок направо, второй дом на левой стороне. На ящике фамилия – Франкель.

– Ладно, гляну одним глазком. Только ты побудешь с Майей, пока я в доме. И ни слова Эрике. Она из штанов выпрыгнет, если узнает, что я брал девочку на работу.

– Клятвенно обещаю, – подмигнул Мартин и махнул Бертилю. – Увидимся.

– Ага...

У Патрика вдруг появилось чувство, что он будет раскаиваться в этом решении, но инстинкт самосохранения не устоял перед любопытством. Он развернул коляску и направился к Гамбургсунду.

– Все сосновое к чертям собачьим!

Анна подбоченилась и попыталась выглядеть настолько

ужасно, насколько это было в ее силах.

– И чем тебе не угодила сосна? – Дан растерянно почесал голову.

– Тем, что уродливей сосновой мебели нет ничего на свете! – Анна, как ни старалась, не удержалась от смеха. – У тебя такой испуганный вид, милый! Но я и правда настаиваю. Сосновая мебель безобразна. А эта койка хуже всего. И к тому же у меня нет никакого желания спать в кровати, в которой ты прыгал с Перниллой. Жить в том же доме – ладно, с этим я еще могу примириться, но спать в той же кровати – это уж увольте.

– Этот аргумент мне понятен, но где взять деньги? Придется купить целую кучу новой мебели...

Когда они стали жить вместе, Дан, несмотря ни на что, решил оставить дом за собой, но пока никак не удавалось свести концы с концами.

– У меня еще остались деньги, которые Эрика заплатила за мою долю в родительском доме. Лукас до них так и не добрался. Так что мы можем себе позволить кое-что купить. Если хочешь, выберем вместе, а не хочешь, справлюсь сама.

– Лучше без меня, – сказал Дан. – Можешь покупать все, что душе угодно, только не безумствуй чересчур. Иди лучше сюда, я тебя поцелую.

Он притянул ее к себе. Поцелуй вышел настолько длинный и основательный, что Дан начал расстегивать застёжку на лифчике Анны. Однако не успел лифчик свалиться на

пол, как хлопнула входная дверь. Из холла в кухню открывался прекрасный вид, так что никаких сомнений в том, чем они занимаются, не оставалось.

– Какая мерзость! Теперь еще и в кухне, а я потом должна здесь есть! – Белинда, красная от злости, вихрем взлетела по лестнице в свою комнату. На верхней ступеньке она остановилась и крикнула вниз: – При первом удобном случае я возвращаюсь к маме! По крайней мере, не надо будет любоваться, как вы суете языки в глотки друг другу! Неужели вам не понятно, насколько это отвратительно?

Бац! Дверь в ее комнату с грохотом захлопнулась, и Дан услышал, как щелкнул замок. Еще через пять секунд с такой силой загрохотала музыка, что на сушилке задрожали тарелки, каким-то образом попадая в ритм.

– Упс! – сказал Дан, глядя на лестницу.

– Лучше не скажешь, – согласилась Анна и выскользнула из его объятий. – Именно «упс». Ей не так-то легко дается вся эта история.

Она собрала «музыкальные» тарелки и положила их в раковину.

– Неужели трудно примириться, что отец встретил кого-то? Что у отца есть своя жизнь?

– Поставь себя на ее место. Сначала вы с Перниллой разводитесь. Потом перед ее глазами проходит... – Анна задумалась, подбирая слово, – проходит галерея разнообразных девиц, одна за другой, не задерживаясь. А потом в ее дом пе-

реезжаю я, да еще не одна, а с двумя маленькими детьми. Белинде семнадцать лет, и одно это для нее достаточно неприятно – трое чужаков в доме.

– Наверное, ты права. – Дан вздохнул. – Понятия не имею, как найти общий язык с девушкой-подростком. Оставить в покое? Тогда она, чего доброго, решит, что никому не нужна. А если начну разговоры, подумает, что я лезу в ее личную жизнь. Предложи какой-нибудь сценарий. Где взять инструкцию?

Анна засмеялась.

– Думаю, они просто забыли вручить тебе инструкции еще в родильном доме. Но все же надо попытаться с ней поговорить. Если она хлопнет дверью у тебя перед носом – что ж, за первой попыткой последует вторая. И третья... Она боится тебя потерять, Дан. Боится потерять право быть маленькой девочкой. Боится, что мы заслоним ее в твоих глазах... все это очень просто.

– Интересно, за какие заслуги мне досталась такая мудрая женщина? Прямо жрица какая-то... – Дан снова притянул Анну к себе.

– Понятия не имею. – Анна прижалась лицом к его груди, пряча улыбку. – Думаю, не так уж я и мудра. Наверное, ты просто сравниваешь меня с предыдущими пассиями.

– Знаешь что? – притворно возмутился Дан и сжал ее еще крепче. – Если будешь без конца меня попрекать, сосновая кровать будет стоять вечно.

– Не могу понять – хочешь ты, чтобы я осталась, или нет?

– Ладно. Ты выиграла. Считай, что ее уже нет.

Они засмеялись и начали целоваться, не обращая внимание на грохочущую над головой музыку.

Мартин увидел мальчиков сразу – они стояли, едва не прижавшись друг к другу, и заметно дрожали. Лица у них были изжелта-бледными. Оба обрадовались, увидев полицейскую машину.

– Мартин Мулин, – представился он и протянул руку тому, кто стоял поближе.

– Адам Андерссон, – прошептал тот, но руки не подал. – Меня рвало, руки, наверное, грязные.

Мартин понимающе кивнул. У него при виде трупа всегда возникала точно такая же реакция. Стыдиться тут было нечего.

– Так что же случилось? – Он обратился именно к Адаму: ему показалось, что мальчик более собран, чем его рослый товарищ. Светлые длинные волосы, цветущие угри на щеках – спутники пубертатного возраста.

– Дело вот как было. – Адам посмотрел на приятеля, ища поддержки. Тот пожал плечами, и Адам продолжил: – Мы решили заглянуть в дом, посмотреть, что там есть... старики уехали...

– Старики? Их что, было двое?

– Два брата, – слово взял Маттиас. – Мы не знаем, как

их зовут, но мамаша-то наверняка знает. Она их почти забирала. С начала июня. Один-то всегда уезжал на лето, а второй обычно дома сидел. А на этот раз никто почти не брал, ящик чуть не лопался. Вот мы и подумали... – Он внезапно замолчал и уставился на свои башмаки. Увидел дохлую муху и с отвращением потряс ногой. – Это что, это он там... мертвый?

– Мы пока знаем не больше твоего. Продолжай. Значит, вы решили проникнуть в дом... И что дальше?

– Ну, Маттиас говорит – гляди, окно не закрыто. Забрался туда и меня за собой втащил. Мы на пол спрыгнули, а там хрустит... Даже и не поняли сначала что. Там так темно было...

– Темно? Почему? – Мартин слегка повернулся и заметил, что Йоста, Паула и Бертиль стоят у него за спиной и внимательно слушают.

– Да эти... шторы все были опущены, – пояснил Адам. – Ну, мы их подняли, вначале на том окне, куда влезли... Смотрим, а на полу дохлые мухи. Весь пол покрыт. И запах жуткий.

– Еще какой жуткий, – эхом откликнулся Маттиас, подавляя рвотный позыв.

– А дальше что?

– Смотрим, а там стол стоит здоровенный... и стул. Стул к нам спинкой стоял, а спинка высокая, так что мы сначала даже и не видели, что там. Я сразу вспомнил «CSI»... ну,

сериал этот американский, про криминалистов. Запах этот, мухи и все такое... тут не надо быть Эйнштейном, чтобы сообразить – кто-то помер, не иначе. Я подошел и... ну, повернул я, в общем, этот стул, а он там сидит!

Маттиас, очевидно, вызвал в воображении всю картину: его немедленно вырвало. Он вытер ладонью рот и пробормотал:

– Извините.

– Это нормально, – сказал Мартин. – Мы все блевали, когда в первый раз труп увидели.

– Я – нет, – небрежно произнес Бертиль.

– Я тоже нет, – лаконично поддержал его Йоста.

Мартин повернулся и наградил их свирепым взглядом.

– Вид такой вообще... – значительно произнес Адам.

Похоже, он, несмотря на шок, находит ситуацию очень интересной. Маттиас за его спиной в три погибели согнулся в яростных рвотных позовах, но рвать уже было нечем.

– Может кто-нибудь отвезти ребят домой?

– Я отвезу, – после паузы сказал Йоста. – Пошли, ребята.

– Да мы живем в двухстах метрах, – еле слышно прошептал Маттиас.

– Тогда не отвезу, а отведу.

Ребята поплелись за ним – Маттиас с облегчением, но Адам явно был разочарован, что не удастся досмотреть представление.

Мартин дождался, пока они скроются за поворотом.

– Ну, посмотрим, что мы имеем.

Бертиль Мельберг откашлялся.

– Да... как сказано, с трупами у меня проблем не было и нет... Навидался, слава богу. Но... надо же посмотреть, что вокруг делается... следы там или что. Думаю, я, как старший и самый опытный, займусь именно этим... окружением, так сказать. – Он снова откашлялся.

Мартин и Паула весело переглянулись, но Мартин тут же состроил серьезную мину.

– Да, Бертиль, пожалуй, ты прав. Надо тщательно осмотреть участок... кто лучше тебя осмотрит? С твоим-то опытом... А мы с Паулой пойдем и взглянем, что делается в доме.

– Вот именно... Думаю, так будет разумнее. – Мельберг покачался на каблуках и направился к воротам.

– Ну что? Пошли?

Паула молча кивнула.

– Только осторожно, – предупредил Мартин, открывая дверь, – важно не погубить следы, если окажется, что это убийство. Только поверхностный осмотр, дальше – дело криминалистов.

– Я пять лет проработала в отделе насильственных преступлений в Стокгольме, – спокойно сказала Паула, – так что мне известно, как вести себя на месте преступления.

– Извини. – Мартин смутился. – Я знаю. Что это я, в самом деле...

В доме стояла полная, жутковатая тишина. Ни звука, кроме эха их шагов по каменному полу холла. Интересно, подумал Мартин, если бы мы не знали, что в доме труп? Ну, тихо и тихо... ничего жуткого.

– Вон там, – почему-то прошептал он, хотя никаких причин таиться не было.

Паула шла за ним следом. Мартин открыл дверь. Вонь, которую они почувствовали, едва вошли в дом, стала заметно сильнее. Ребята были правы – весь пол покрывали дохлые мухи. Запах стоял довольно сильный, но не такой, каким, например, был вначале.

– Не вчера это случилось, – заметила Паула. – Мухи попиrowали на славу.

– Никаких сомнений. – Мартин поморщился.

Во рту появился отвратительный сладковатый привкус. Мартин собрался и двинулся к трупу, сделав Пауле предостерегающий знак – лучше ей остаться на месте.

Она мысленно согласилась. Чем меньше полицейских башмаков будет здесь топтаться, тем лучше.

– Да... – выдохнул Мартин, борясь с подступающей тошнотой, – о естественной смерти говорить тут не приходится.

Несмотря на то что труп был в очень плохом состоянии, не оставалось сомнений в том, что череп покойника был размоzжен сильным ударом. Мартин повернулся и вышел из комнаты, Паула за ним. Он жадно вдохнул несколько раз свежий осенний воздух. Тошнота немного отступила.

– Это убийство, – сказал он подошедшему Патрику. – Работа для Турбьёрна с его ребятами. Нам здесь больше делать нечего.

– Понятно. – Патрик задумчиво кивнул. – А не могу ли я...

Он оборвал себя на полуслове и выразительно посмотрел на коляску.

– Давай, – бледно улыбнулся Мартин, все еще борясь с тошнотой. – Я пригляжу за малышкой.

– Ци-ты, – сообщила Майя, показала на цветущую клумбу и разулыбалась.

– А ты тоже заходила?

Паула кивнула.

– Не особенно приятное зрелище. Думаю, он там с весны сидит. Во всяком случае, это моя оценка. Навскид, так сказать.

– Ты, наверное, всего нагладелась в Стокгольме?

– Такой срок – редкость. Пару раз, может быть, видела, не больше.

– Я зайду на секунду, лишняя пара глаз не помешает... у меня, собственно, отпуск по ребенку...

Паула улыбнулась.

– Трудно удержаться? Понятно... Но Мартин, кажется, справляется...

Мартин сидел на корточках рядом с Майей и что-то бормотал, показывая на еще не отцветшую клумбу осенних астр.

– Мартин – скала. Во всех смыслах, – заверил Патрик и направился в дом.

Он появился через несколько минут.

– Согласен с Мартином. Никаких сомнений – здоровенная рана на голове.

– Ничего подозрительного. – Из-за угла появился слегка запыхавшийся Мельберг. – А там что? Ты видел, Хедстрём?

– Конечно же, убийство. Ты позвонил техникам?

– Сейчас позвоню. Я же как-никак шеф в этой психушке, – произнес Мельберг вроде бы шутливо, но одновременно и значительно. – А что ты, собственно, здесь делаешь? У тебе же отпуск по ребенку, а ты выскакиваешь откуда-то, как черт из табакерки.

Он повернулся к Пауле и продолжил:

– Никак не привыкну к этим новомодным штучкам: мужики сидят дома и меняют подгузники, а бабы в мундирах ходят с пистолетами. – Он осуждающе покачал головой и пошел к машине звонить криминалистам.

– Добро пожаловать в полицейское управление Танумсхедде, – сухо прокомментировал Патрик и получил в ответ веселую улыбку.

– Не бери в голову, таких полно. Если бы я обращала внимание на динозавров, давно бы вымерла сама.

– Хорошо, что ты это понимаешь. А Мельберг, по крайней мере, последователен – он ко всем так относится.

– Утешил, – засмеялась Паула.

– Чему смеетесь? Над собой смеетесь? – С Майей на руках подошел Мартин.

– Мельберг, – хором сказали Патрик и Паула.

– Чем он теперь отличился?

– Все то же... – Патрик принял Майю. – Но Паулу, похоже, так просто не возьмешь, значит, ничего страшного. Ну что, старушка, пойдем домой? Помаши дяде с тетей ручкой.

Майя замахала ручонкой и во весь рот улыбнулась Мартину. Мартин просиял.

– Как? Ты забираешь мою девчущку? А мы-то с ней как раз собирались... – Мартин выпятил нижнюю губу, соорудив таким образом плаксивую мину.

– У Майи один кавалер – папа, – сказал Патрик и пощекотал носом шею малышки.

Та зашлась от смеха. Он устроил ее в коляске поудобнее и отдал честь.

– Пока! – попрощался Патрик, пытаясь разобраться, чего ему больше хочется – уйти или остаться.

Она была в отчаянии. Какой сегодня день? Понедельник? Или уже вторник? Бритта нервно мерила шагами гостиную. Это было невыносимо – чем больше она старалась что-то вспомнить, тем быстрее ускользала нить. Когда сознание немного прояснялось, ей начинало казаться, что достаточно небольшого усилия – и она с этим справится, заставит мозг подчиниться воле. Но понимала, что это не так – ее интел-

лект распадался, она быстро теряла способность запоминать, различать факты, лица, время.

Нет, все-таки понедельник. Сегодня понедельник. Вчера приходили дочки со своими семьями, они ужинали вместе. Значит, вчера было воскресенье. А сегодня – понедельник. Она остановилась и вздохнула с облегчением. Маленькая, но победа. Сегодня понедельник.

И вдруг полились слезы. Он присела на край дивана, обитого тканью с мотивом в стиле Йозефа Франка¹. Они с Германом вместе выбирали... вернее, она выбирала, а он одобритительно хмыкал, чтобы доставить ей удовольствие. Если бы она предпочла оранжевую обивку с зелеными пятнышками, он бы тоже хмыкал, так же одобритительно. Герман, да... А где он, собственно? Она беспокойно провела пальцем по цветочному орнаменту дивана. Она же знала, где он. Бритта легко вызвала в воображении его шевелящиеся губы – он ясно и определенно сказал, куда идет. Даже повторил несколько раз: я иду... а куда? Та же самая история... все ускользает, факты играют с ней в прятки, словно издеваются.

Она судорожно вцепилась в подлокотник. Я должна вспомнить, надо только сосредоточиться. Внезапно ее охватила паника – где Герман? Он ведь не говорил, что ушел надолго. А вдруг он уехал? А вдруг он вообще ее бросил? Что же он говорил... Боже мой, только бы вспомнить, что он го-

¹ Йозеф Франк – известный австрийско-шведский архитектор и дизайнер, один из пионеров функционального стиля. (Здесь и далее прим. перев.)

ворил. Эти шевелящиеся губы... Надо проверить, на месте ли его вещи. Бритта резко вскочила с дивана. Ей почему-то не хватало воздуха. Страх, страх... что же он сказал?

Бритта заглянула в гардероб и немного успокоилась – все пиджаки, свитера, сорочки оказались на месте. Но она по-прежнему не знала, где муж. Не могла вспомнить, что он сказал, уходя.

Она легла на кровать, поджала ноги, обхватила их руками и горько заплакала. Ее мозг тает. Секунда за секундой, минута за минутой. Кто-то безжалостно стирает жесткий диск ее памяти – и она ничего не может с этим поделать. Она совершенно беспомощна.

– Вот и вы! Погуляли, как я погляжу, на славу, долго вас не было!

Эрика подхватила дочку, и та чмокнула ее в щеку, правда промахнулась – поцелуй повис в воздухе.

– На славу... а почему ты не работаешь?

Эрика вздохнула.

– Это всегда так... Начать очень трудно. Сажу смотрю на дисплей и жую ириски. Если так будет продолжаться, к последней главе буду весить не меньше центнера. – Она помогла Патрику раздеть Майю. – Знаешь, я не удержалась. Начала читать мамины дневники.

– Интересно? – Патрик был рад, что не последовала просьба описать долгую прогулку в деталях.

– Как тебе сказать... В основном бытовые подробности. Я прочла всего несколько страниц. Почему-то не хочется читать все подряд... Может, чаю выпьем?

– Еще бы! – Патрик повесил одежду на вешалку и последовал за Эрикой в кухню.

Майя сразу потопала к ящику с игрушками. Через несколько минут Эрика поставила на стол дымящиеся кружки с чаем. Они уселись друг напротив друга.

– Ну давай... рассказывай. – Эрика пристально уставилась на Патрика.

Слишком хорошо она его знала – взгляд исподлобья, пальцы, выбивающие дробь на столе... Что-то он явно не хотел или не решался ей поведать.

– Что рассказывать? – спросил Патрик с вполне достойно, как ему показалось, разыгранным недоумением.

– Знаешь, голубой глаз не поможет. Что ты скрываешь? – Она отхлебнула глоток чая. Ей почему-то смешно было смотреть, как он изворачивается.

– Ну...

– Что – ну? – Эрика мысленно устыдилась, что испытывает некое садистское удовольствие, глядя на его смущение.

– Кое-что случилось, пока мы гуляли...

– Что-то я не заметила... Одежда чистая, руки-ноги целы... Что же такое случилось?

Патрик отпил чаю и взял печенье, чтобы выиграть время на подготовку презентации.

– Ну... мы шли к мельнице Лерстена и встретили моих коллег...

Она молча ждала продолжения.

– К ним поступил сигнал... в общем, они ехали по вызову. В доме по дороге к Гамбургсунду нашли труп.

– Но у тебя же отпуск, с какой стороны это тебя должно касаться? – Эрика поднесла чашку ко рту, но не отпила ни глотка, а вместо этого недоверчиво уставилась на Патрика. – Ты же не хочешь сказать, что...

– Именно... – Патрик опустил глаза.

– Ты взял Майю на место преступления? Повел ее смотреть на труп?

– Да... То есть нет... Конечно нет! Она побывала с Мартином, а я заглянул в дом. Труп был в доме, в библиотеке. А Майя разговаривала с астрами. Во дворе.

Он попытался улыбнуться, но встретил ледяной взгляд.

– Ты взял Майю на место преступления? – повторила Эрика. – Ты заглянул в дом, где был труп? У тебя отпуск по уходу за ребенком! Неужели трудно было сказать, что у тебя отпуск? Что ты сейчас не работаешь?

– Заглянул, и все, – беспомощно произнес Патрик.

Эрика права. У него отпуск. По ребенку. Они должны справляться без него. И конечно, не надо было тащить туда Майю. Кто знает, что происходит в голове у годовалой девчушки, что она запоминает, а что оставляет без внимания.

Придя к этому научному выводу, он тут же сообразил, что

сказал не всю правду. Он проглотил слюну и добавил:

– Это убийство.

– Убийство! – почти взвизгнула Эрика. – Убийство! Я не нахожу слов!

– Все, на этом закончено. Пальцем не шевельну. До января я в отпуске. Им это прекрасно известно. Только Майя, честное слово!

– Смотри, – тихо проворчала Эрика.

Если бы она сказала это слово чуть погромче, получился бы львиный рык. Она отвернулась, изображая гнев, но любопытство взяло верх. Эрика немного успокоилась.

– И где это? Кто убитый?

– Ни малейшего представления. Большой белый дом – если идти от мельницы, первый поворот направо.

Эрика посмотрела на него внимательно. Выражение лица у Патрика было странное.

– Большой белый дом? Сруб?

Патрик попытался вспомнить, как выглядел дом, и кивнул.

– Сруб. На почтовом ящике фамилия Франкель.

– Я знаю, кто этот человек. Вернее, эти люди. Аксель и Эрик Франкель. Ты же знаешь! Эрик Франкель – это ему мы отнесли эту нацистскую медаль на экспертизу.

Патрик остолбенел. Как он мог забыть? К тому же Франкель – такая редкая фамилия.

Майя весело болтала сама с собой в гостиной на языке,

понятном во всем мире только ей одной.

Они вернулись в отдел только к вечеру. Приезжал криминалист Турбьёрн Рюд со своими помощниками. Они основательно зафиксировали все, что можно было зафиксировать, и уехали. Покойника увезли – теперь дело за судебными медиками. Пусть колдуют.

– Ничего себе понедельник, – вздохнул Мельберг, выходя из машины в подземном гараже.

– Да уж, – согласился Йоста. Он никогда не бросал слов на ветер.

Когда они вошли в помещение, Мельберг едва успел уловить мелькнувшую тень, как через секунду пес уже облизал ему физиономию, опершись лапами на плечи.

– Кончай! – рявкнул Мельберг.

Пес опустил уши и, понуро виляя задом, поплелся в приемную к Аннике. Ладно, хоть одна душа ему искренне рада. Мельберг вытер лицо тыльной стороной ладони и проворчал что-то для порядка. Йоста с трудом сдерживал смех.

У себя в кабинете он, все еще похохатывая, уселся за стол – и вздрогнул от удивления, услышав хорошо знакомый крик.

– Эрнст! Эрнст! Иди сюда!

Йоста удивился. Эрнста уволили уже довольно давно, и он не слышал ни слова, что тот собирается вернуться на работу.

– Эрнст! Кому сказано – иди сюда!

Йоста высунул нос в коридор. Мельберг, красный от злости, показывал на что-то на полу. Рядом, поджав хвост, стоял понурый пес.

– Эрнст! Что это?!

Пес изо всех сил пытался сделать вид, что не понимает, о чем речь. Но кучка на полу говорила сама за себя.

– Анника! – заревел Мельберг.

Секретарша отдела появилась ровно через две секунды.

– Оп-ля, – сказала она весело, – несчастный случай. Дорожное происшествие.

Пес благодарно на нее посмотрел и подошел поближе.

– Дорожное происшествие! Эрнст накакал на пол!

Тут уже Йоста не удержался и прыснул. Попытался прекратить, но засмеялся еще сильнее, да так заразительно, что смешливая Анника тоже захохотала.

– Что у вас происходит? – с любопытством спросил подошедший Мартин. За спиной его стояла миниатюрная Паула.

– Эрнст... – Йоста задыхался от хохота. – Эрнст наложил кучу.

Мартин непонимающе уставился на Йосту, но когда тот перевел взгляд с аккуратной кучки на полу на Мельберга, все стало ясно.

– Ты что, назвал щенка Эрнстом? – Ему тоже стало смешно.

Теперь не смеялись только готовый вот-вот взорваться Мельберг и ничего не понимающая Паула.

– Потом объясню, – успокоил ее Мартин и суставом указательного пальца вытер слезу в углу глаза. – Неплохо придумано, Бертиль!

– Что ж, посмеяться тоже не грех. – Мельберг принужденно улыбнулся. – Анника, проследи, чтобы все было убрано... Невозможно работать.

Он проворчал что-то и уселся за письменный стол. Пес несколько раз перевел глаза с Анники на Бертиля, потом решил, должно быть, что гроза миновала, и, помахивая хвостом, подошел к новому хозяину.

Остальные удивленно переглянулись. Что-то этот прибулдок нашел в их начальнике, чего они, очевидно, не заметили.

Весь вечер она думала об Эрике Франкеле. Эрика была не особенно хорошо с ним знакома, но одно несомненно: Эрик и его брат Аксель составляли неотъемлемую часть общественной жизни в Фьельбаке. «Докторские сыновья» – их так и называли в городке, хотя прошло уже не меньше пятидесяти лет с тех пор, как их отец работал здесь врачом, и не меньше сорока, как он ушел из жизни.

Сравнительно недавно она была у них. Братья жили в старом родительском доме, оба не женаты, и у обоих одно и то же хобби – пламенный интерес к нацистской Германии, хотя у каждого по-своему.

Эрик преподавал историю в старших классах, а после ухода на пенсию продолжал собирать коллекцию, посвященную

нацизму. Аксель, старший брат, был как-то связан с центром Симона Визенталя. Она слышала, что у него во время войны были какие-то крупные неприятности.

Сначала она позвонила Эрику и рассказала о своей находке, подробно описала медаль и спросила, не может ли он помочь выяснить ее происхождение – она нашла ее в вещах покойной матери. Помнится, ее ошарашила его реакция. Он долго молчал. Она несколько раз крикнула «алло!» в трубку: решила, что он куда-то ушел. Потом Эрик странным тоном попросил принести ему медаль, чтобы он мог на нее посмотреть. Ее это почему-то насторожило – долгое молчание, странная искусственная интонация. Но она ни слова не сказала Патрику – решила, что все себе напридумывала. Тем более что, когда она приехала, все прошло довольно буднично. Эрик вежливо ее встретил и пригласил в библиотеку. Она показала ему медаль. Он с умеренным интересом повертел награду в руках, потом долго разглядывал в лупу и попросил разрешения временно оставить у себя – ему, как он сказал, надо собрать кое-какую дополнительную информацию. Конечно, конечно, в этом весь смысл.

Он показал ей свою коллекцию. Со странной смесью страха и интереса Эрика разглядывала предметы, так тесно связанные с жутким недавним прошлым. Наконец решилась спросить: почему человек, очевидно ненавидящий это прошлое и все, что с ним связано, окружил себя вещами, ежеминутно о нем напоминающими?

Эрик ответил не сразу. Он задумчиво водил пальцем по фуражке с эмблемой СС, формулируя ответ.

– Как бы вам сказать... Я не очень верю в человеческую память, – сказал он наконец. – Без напоминаний, без вещей, которые можно потрогать или хотя бы посмотреть на них, мы легко все забываем... особенно то, что хотим забыть. Это собрание напоминаний. И еще кое-что... Мне очень не хотелось бы, чтобы на эти вещи кто-то смотрел другими глазами. С восхищением...

Эрике показалось, что она поняла его мысль. А может быть, и не совсем. Она пожала ему руку, поблагодарила и ушла.

А теперь он мертв. Не просто мертв – убит. Может быть, вскоре после ее посещения. Патрик сказал, что старик там сидел мертвый все лето. Точно неизвестно, но, скорее всего, так.

И теперь она опять вспомнила поразившие ее при первом разговоре интонации Эрика.

– А ты не знаешь, медаль нашли?

Патрик удивленно уставился на нее.

– Я об этом даже не подумал. Понятия не имею. Но на первый взгляд никаких признаков ограбления. А даже если это ограбление, кому нужна старая нацистская медаль? Это же не раритет... Наверняка сохранилось немало таких побрякушек.

– Да... скорее всего, ты прав, – медленно произнесла Эри-

ка, не в силах справиться с неприятным чувством, которое вряд ли смогла бы определить. Жалость? Страх? Настороженность? – Позвони завтра в отдел и спроси насчет медали.

– Не знаю... Не думаю, чтобы они специально искали какую-то медаль. Узнаем потом у его брата. Наверняка лежит где-то.

– Да... у Акселя. А где он, кстати? Что же, его, значит, не было все лето?

Патрик пожал плечами.

– Если ты не забыла, у меня родительский отпуск. Можешь позвонить Мельбергу и спросить.

– Очень остроумно! – фыркнула Эрика, но тревога не отпускала. – И все же странно. Почему Аксель его не нашел?

– Ты же сама сказала, что, когда ты приходила к Эрику, брат был в отъезде.

– Да... Эрик сказал, что брат уехал за границу. Но это было в начале июня.

– А почему тебя это беспокоит? – Патрик покосился на телевизор. Сейчас начнется его любимая программа «Наконец-то дома».

– Да не знаю я!

Эрика и сама не могла объяснить, откуда взялось это странное беспокойство, но все время вспоминала долгое молчание Эрика. Слышала его слегка дрожащий голос, когда он попросил ее зайти и показать медаль. Что-то его либо взволновало, либо испугало. Медаль.

Она села у телевизора и попробовала сосредоточиться на столярных достижениях Мартина Тимелля². С ее точки зрения, дело у него шло не особенно.

– Ты бы только видел, дед! Этот черножопый хотел пролезть без очереди. Я его одним ударом срубил, а потом еще врезал ногой по яйцам. Он потом там с четверть часа валялся!

– И чего ты этим добился, Пер? Помимо того, что тебя могут осудить за нанесение телесных повреждений и отправить в колонию для несовершеннолетних? Ты не только не помог, но и навредил – симпатий никаких твой поступок ни у кого не вызовет, а наши противники только этого и ждут. – Взгляд Франца был суровым и холодным.

Иногда он просто не знал, как обуздать эти подростковые гормональные бури. И потом... он же был совершенным невеждой, этот парень. Армейские штаны, грубые сапоги, бритая голова – а за всем этим прячется пугливый пятнадцатилетний подросток. Чистый лист бумаги... Он и понятия не имеет, как устроен мир. Понятия не имеет, что разрушительные импульсы нужно подавлять, вернее – не подавлять, а копить и направлять, в один прекрасный день они станут копьем, направленным в самое сердце прогнившего общества.

Мальчик смущенно повесил голову. Они сидели на сту-

² Мартин Тимелль – ведущий популярной шведской телепрограммы «Накопец-то дома», что-то вроде «Домашнего мастера». По образованию плотник.

пеньках крыльца. Франц знал, что паренек своим поступком хотел произвести впечатление главным образом на него, и именно поэтому считал своим долгом раз и навсегда объяснить мальчику, в чем его ошибка. Мир холоден и безжалостен, и победителями могут стать только сильные.

И в то же время Франц очень любил внука. Он положил руку на плечи Пера – худые плечи подростка. Пер унаследовал его конституцию – высокий, худой, с узкими плечами. Никакая силовая гимнастика этого не исправит.

– Всегда надо сначала подумать, – сказал Франц заметно мягче. – Сначала подумать, а уже потом действовать. Слово, а не кулаки – вот наше оружие. Насилие в самую последнюю очередь.

Он обнял его посильнее. Пер на секунду прислонился к нему, как он всегда делал, когда был маленьким, но сразу отодвинулся – он уже мужчина. Никаких телячьих нежностей. И самое важное – чтобы дед им гордился.

– Я знаю, дед. Я просто из себя вышел – а чего он лезет без очереди? Они везде лезут. Думают, весь мир им принадлежит, а уж Швеция – и подавно. Это меня и злит.

– Знаю, знаю. – Франц снял руку с плеча и похлопал внука по колену. – Но думай... всегда сначала думай. Какая от тебя польза, если ты сидишь в камере?

Кристиансанд, 1943 год

Все время плавание до Норвегии его мучила морская болезнь. Остальные, как ему казалось, просто не замечают качки. Привычка. Выросли на море. У них, как говорил отец, «морские ноги» – ходят по раскачивающейся палубе, как по лужайке. А он намертво вцепился в релинг, и ему ничего так не хотелось, как вырвать всю эту муть, которая поднималась от желудка к голове. Но Аксель сдерживал рвоту. Ему не хотелось давать повод для насмешек рыбаков – пусть и беззлобных. Он был слишком горд для этого. Как только он сойдет на берег, тошнота тут же исчезнет, он знал это по опыту. Не в первый раз.

– Земля! – крикнул Элуф, шкипер. – Через четверть часа начались.

Элуф внимательно посмотрел на подошедшего Акселя. Загорелое обветренное лицо с глубокими морщинами – с раннего детства в море.

– Пришел в себя? – Элуф огляделся.

В гавани Кристиансанда у пирсов стояли немецкие корабли, как напоминание о положении дел. Немцы оккупировали Норвегию, Швеция пока избежала этой участи, но никто не знал, надолго ли.

– Ты занимаешься своим делом, я – своим.

Ответ прозвучал резче, чем Аксель того хотел, но он постоянно чувствовал уколы совести. Волей-неволей он подвергал людей риску, а этого ему вовсе не хотелось. Но, напомнил он себе, я никого не заставляю. Когда он спросил Элуфа, не разрешит ли он ему иногда... с кое-какими товарами... – тот не раздумывая ответил согласием. И ни разу не спросил, что это за «товары» – ни он, ни кто другой из экипажа «Эльфриды».

Они зачалились у пирса, проверили кранцы. Элуф взял толстую папку с судовыми документами – немцы ничего не оставляли на волю случая. Каждый раз, прежде чем начать разгрузку, им предстояло одолеть долгую и утомительную бумажную волокиту. Как только проверка бесчисленных справок и удостоверений закончилась, они приступили к разгрузке – в накладных стояло «детали машин». Норвежские грузчики таскали по трапу ящики с оборудованием – разумеется, под наблюдением вооруженных немецких часовых. Аксель ждал темноты. Его «товары» можно разгружать только ночью. Собственно, как правило, ничего особенного в них не было, в этих товарах. Продукты. Продукты и информация. И на этот раз тоже.

Экипаж собрался в кубрике. Ужин пошел в тягостном, напряженном молчании. Аксель начинал беспокоиться – назначенное время уже прошло. Осторожный стук заставил всех вздрогнуть. Аксель выскочил на палубу, оторвал пару

едва наживленных досок палубного настила и начал один за другим вытаскивать из трюма деревянные ящики. Под аккомпанемент немецкой речи из барака поблизости они выгрузили ящики на пирс. Немцы были пьяны, что заметно облегчало дело. Трезвый немец опасен. Пьяный немец тоже опасен, но не более, чем пьяный другой национальности.

Тихое «спасибо» – и ящики исчезли в темноте. Слава богу, еще один раз все прошло гладко. С опьяняющим чувством облегчения Аксель спустился в кубрик. Никто не сказал ни слова – только Элуф внимательно посмотрел на него, кивнул и начал набивать трубку. Акселя переполняло чувство благодарности к этим людям. Они противостояли штормам и немцам с одинаковым спокойствием и выдержкой. Моряки понимали, что от судьбы не уйдешь – важно делать свое дело как можно лучше и жить как можно честнее. Остальное – в руках провидения.

Аксель вдруг понял, что очень устал. Он заснул немедленно, укачанный легким покачиванием баржи и ласковым чмоканием воды о корпус судна. Немцы в бараке затянули песню, но этого он уже не слышал.

* * *

– Ну и к чему мы пришли? – Мельберг оглядел собравшихся.

Кофе был сварен, булочки поданы, все игроки на месте.

Паула прокашлялась.

– Я говорила с братом. С Акселем. Он работает в Париже и каждое лето проводит там. Он уже по дороге сюда. Был в совершенном отчаянии, когда я рассказала, в чем дело.

– А ты узнала, когда он уехал? – спросил Мартин, заглянув в блокнот.

– Третьего июня, как он говорит. Проверю, само собой. Мартин кивнул.

– От Турбьёрна что-нибудь получили? Хотя бы предварительно? – Мельберг пошевелил затекшими ногами.

Эрнст улегся на них всей своей тяжестью и ни за что не желал покидать хозяина, а Мельберг почему-то не решался его прогнать.

– Пока нет, – сказал Йоста и потянулся за булочкой, – я говорил с ним утром. Завтра что-нибудь выясним.

– Проследи. – Мельберг осторожно освободил ноги.

Однако пес, помедлив секунду, тяжело вздохнул, приподнялся и занял прежнюю позицию. При этом слегка боднул Мельберга в голень – больше так не делай.

– Подозреваемые? Враги? Какие-то угрозы? Хоть что-то? – Мельберг с надеждой посмотрел на Мартина, но тот только покачал головой.

– Никаких сообщений не поступало... разве что его сомнительное увлечение. Нацизм всегда пробуждает дурную кровь.

– Поедем к нему домой и посмотрим повнимательнее. Мо-

жет, найдутся какие-то письма с угрозами.

Все с удивлением посмотрели на Йосту. Йоста проявлял инициативу крайне редко.

– Возьми Мартина и поезжай, – согласился Мельберг. – Сразу после оперативки.

Он с одобрением посмотрел на Йосту, который к тому времени уже успел принять свою обычную летаргическую позу. Йоста Флюгаре оживлялся только на площадке для гольфа – все это знали и давно с этим примирились.

– Паула, на тебе брат... как его? Аксель? Встретишь в аэропорту и поговоришь как следует. Поскольку мы точно не знаем, когда погиб Эрик, вполне может быть, что братик треснул его по голове и улетел в Париж. Когда он прилетает?

Паула заглянула в блокнот.

– Завтра утром. В Ландветтер.

– Ты должна быть первой, кто его встретит. – Мельберг энергично задвигал ногами – уже началось неприятное покалывание.

Пес неохотно встал и, опустив хвост, побрел в хозяйский кабинет, где стояла его корзина.

– Вот что значит истинная любовь, – засмеялась Анника, провожая Эрнста взглядом.

– Кстати... – Мельберг пристально уставился на Аннику, – кстати, я как раз собирался спросить: кто-нибудь забереет этого крокодила? И когда?

– Да... это не так легко. – Лицо Анники приобрело самое

невинное выражение. – Пока желающих нет – слишком уж он большой, прямо жеребенок. Так что попаси его еще пару дней. – Она уставилась на Мельберга большими синими глазами.

– Пару дней, – передразнил Мельберг. – Хорошо, но только пару. Если за это время не найдешь ему хозяина, отправится на улицу, откуда пришел.

– Спасибо, Бертиль, это благородно с твоей стороны. Подключу всех, кого смогу.

Она дождалась, пока Мельберг отвернется, и подмигнула остальным. Все еле удержались, чтобы не засмеяться: они поняли коварный план Анники.

– Хорошо, хорошо... – Мельберг поднялся со стула. – Пора начинать работать.

– Все слышали, что сказал шеф? – Мартин выждал, пока Мельберг покинет комнату. – Поехали, Йоста.

Тот, похоже, успел пожалеть о своем предложении – он не ожидал, что заниматься этим придется не кому иному, как ему самому, – но понуро кивнул и двинулся за Мартином. До выходных надо как-то дотянуть.

Эрика не могла отвязаться от мыслей об Эрике Франкеле и медали. Пару раз ей удавалось сосредоточиться и заставить себя не думать об этом, и рукопись закрутилась. Но стоило немного расслабиться – и все начиналось сначала. Короткая встреча с вежливым, приятным в общении господином, ко-

торый заметно оживился, когда они заговорили о его увлечении.

Она сохранила написанное и, посомневавшись, открыла Google. Набрала в окне поиска «Эрик Франкель» и нажала кнопку ввода. Целая куча попаданий, много, как всегда, к делу не относящихся, но на чтение материалов, посвященных именно Эрику Франкелю, у нее ушло не меньше часа. Родился в 1930 году в Фьельбаке. Единственный брат, Аксель, старше на четыре года. Отец с 1935 по 1954 год работал в Фьельбаке врачом. Дом, где живут братья, унаследован от родителей. Не так много... посмотрим дальше. Имя Эрика Франкеля то и дело появляется в форумах о нацизме. Он противник нацистских идей, хотя некоторые аспекты нацизма невольно внушают ему уважение. Даже не уважение, а интерес... собственно, это и есть его главный мотив.

Она закрыла Интернет, сцепила руки за головой и сладко потянулась. Боже мой, у нее же нет времени на все это! Пустое любопытство, и ничего другого.

В дверь тихонько постучали.

– Не беспокою? – Патрик заглянул в кабинет.

– Да нет... – Перебирая ногами, она повернулась к нему на вращающемся стуле.

– Я только хотел сказать... Майя спит, а мне надо выйти ненадолго. Я оставлю тебе мониторчик?

Микрофон стоял у малышки в спальне – она терпеть не могла просыпаться в одиночестве.

– Вообще-то мне надо работать... а что у тебя за дела?

– Во-первых, на почту, пришли кое-какие книги, потом в аптеку, купить «Незерил»...³ Заброшу купон лотереи в киоск, все равно по дороге. Куплю продукты, само собой.

На Эрику вдруг навалилась усталость. Она вспомнила бесконечное количество дел, которые ей пришлось переделывать, постоянно волоча за собой коляску с Майей или держа ее на руках. После таких прогулок, уложив Майю, она бежала в душ и меняла пропотевшее белье. И у нее не было возможности подкинуть кому-то малышку, чтобы спокойно заниматься своими делами.

– Конечно, конечно, – сказала она вслух, пытаясь улыбнуться не только ртом, но и глазами. – Майя спит, так что я могу спокойно поработать.

– Вот и славно. – Патрик поцеловал ее в щеку и закрыл за собой дверь.

– Куда славней, – буркнула Эрика и открыла документ с рукописью. Хватит уже с этим Эриком Франкелем.

Но не успела она закончить первую фразу, как в мониторе что-то пискнуло. Эрика замерла. Нет, наверное, показалось. Надо будет уменьшить чувствительность монитора. Со двора донеслись звуки отъезжающей машины. Она посмотрела на экран, пытаясь сконструировать следующее предложение. Опять что-то щелкнуло. Она уставилась на монитор, мысленно передавая ему приказ замолчать, но попытка не

³ «Незерил» – популярное средство от простуды.

удалась.

– Ма-а-а!.. Па-а-а!..

– Как всегда... – сказала она вслух, встала и поплелась в детскую.

Майя стояла в кроватке и истошно орала.

– Надо спатеньки... – вяло произнесла Эрика без всякой надежды на успех.

Девочка затрясла головой.

– Спать – значит спать, – сказала Эрика более решительно и положила дочь в кроватку, но та тут же вскочила, как резиновый мячик.

– Ма-а-а-ма-а-а!.. – заорала она так, что Эрика испугалась, не лопнет ли оконное стекло.

Она начала злиться. Сколько можно! Бессчетное количество дней кормлений, укладываний, одеваний, раздеваний, опять кормлений... Эрика обожала дочку, но сейчас ей было позарез нужно, чтобы кто-то хоть на время снял с нее ответственность. Ей нужна была передышка. Ей нужно было заняться своими взрослыми делами. У Патрика весь этот год имелась такая возможность.

Она сделала еще одну попытку, но Майя окончательно пришла в ярость.

– Спи! – Эрика тоже разозлилась и хлопнула дверью.

Она схватила телефон, набрала номер Патрика и тут же услышала характерный сигнал его мобильного откуда-то из кухни.

– Только не это! – Она треснула трубкой по столу.

По лицу потекли злые слезы. Ничего не случилось, попыталась она успокоить себя, все это мелочи – если хочешь иметь детей, надо запастись терпением... мир не перевернулся. Но у нее было именно такое чувство, что весь мир против нее и надеяться не на кого.

Она сделала глубокий вдох, вернулась в детскую и сразу почувствовала знакомый запах. Майя вся побагровела от крика. Загадка разрешилась – вот почему малышка не могла уснуть. Эрика сразу почувствовала себя виноватой. Она взяла дочь на руки и прижала к груди.

– Ш-ш-ш... сейчас все поправим... сейчас сменим этот гадкий памперс, и все будет в порядке.

Майя сразу успокоилась и только тихо всхлипывала у нее на руках.

В кухне опять зазвонил мобильник Патрика.

– Жутковато, правда? – Мартин постоял несколько секунд в холле, прислушиваясь к звукам, на которые богат каждый старый дом: поскрипывания, потрескивания, стоны ветра на чердаке.

Йоста молча кивнул. И в самом деле, пустой старый дом, казалось, таит в себе какую-то угрозу, хотя он прекрасно понимал, что виной этому лишь кошмарная находка.

– Значит, с Турбьёрном все согласовано? – спросил Мартин. – Можем топтаться, где хотим?

– Криминалисты работу закончили, – кивнул Йоста, и они прошли в библиотеку.

Повсюду были заметны следы порошка для фиксации отпечатков пальцев. Темные уродливые пятна портили впечатление от красивой большой комнаты.

– Что же, можно начинать. – Мартин еще раз вытер ноги о коврик.

Йоста вздохнул.

– Я займусь столом, а ты папками.

Йоста вздохнул опять. Он всегда вздыхал, когда надо было приступить к конкретной работе.

Мартин подошел к огромному, богато украшенному резьбой письменному столу. Такому место скорее в какой-нибудь английской усадьбе, чем в этой красивой, но по-спартански обставленной библиотеке. На столе почти пусто – только ручка, коробочка со скрепками и исписанный, слегка забрызганный кровью блокнот. Мартин присмотрелся к записям: странно, здесь всего два слова, но повторенные много раз: «Ignoto militi». Эти слова ему ровным счетом ничего не говорили – он сам, когда размышлял, чертил в блокноте что-то невразумительное.

Он начал открывать ящики один за другим и методично просматривать их содержимое. Ничего особо интересного не попало. Но один вывод можно было сделать уже сейчас: братья не только делили рабочий стол, их объединяла еще и страсть к порядку.

– Тебе не кажется, что это нечто из области психиатрии?

Йоста показал ему папку, полную бумаг. Ни один лист не высывался, все было в идеальном порядке, а на первом листе аккуратнейшим образом выписано содержание – в каком кармане папки следует искать тот или иной документ.

– Да... у меня и во сне такого не увидишь. – Мартин засмеялся.

– Мне всегда казалось, что только больные люди на это способны. Это с детства – неправильные методы приучения к горшку или что-то в этом роде.

– Очень может быть, – улыбнулся Мартин. В остроумии Йосте не откажешь, хотя чаще он говорил смешные вещи, сам того не замечая. – Нашел что-нибудь? В столе вроде бы ничего интересного. – Он задвинул последний ящик.

– Пока нет. В основном счета, договоры и все такое прочее... Счета за электричество с незапамятных времен, месяц за месяцем, год за годом. – Йоста горестно покачал головой: больные люди. – Давай присоединяйся.

Он снял с полки толстенную папку с черным корешком и протянул Мартину.

Мартин уселся в кресло. Йоста был прав – все в идеальном хронологическом порядке. Он перебирал карман за карманом, и, когда дошел до буквы «S», внимание начало уже рассеиваться. «Sveriges vanner» – «Друзья Швеции». Мартину стало любопытно, и он достал из пластикового кармана тонкую пачку писем. Все с логотипом в правом верхнем уг-

лу – корона на фоне развевающегося шведского флага – и от одного и того же отправителя по имени Франц Рингхольм.

– Послушай-ка! – Мартин нашел последнее по дате письмо.

Несмотря на наше общее прошлое, я не могу более игнорировать твое активное противодействие целям и задачам «Друзей Швеции», которое, несомненно, повлечет за собой неприятные последствия. Во имя нашей прежней дружбы я делаю все, чтобы уберечь тебя от такого рода последствий, но в организации есть серьезные силы, которые не хотят закрывать на это глаза, и может очень скоро настать момент, когда я уже не смогу предложить тебе свое покровительство...

Мартин нахмурился.

– И дальше в том же духе.

Писем было пять. Он быстро просмотрел их одно за другим.

– Похоже, Эрик Франкель наступил неонацистам на большую мозоль. И странно, что у него нашелся в их организации некий покровитель.

– Очевидно, под конец покровительства не хватило.

– Первое, что приходит в голову. Теперь ясно, что халтурить нельзя. Надо просмотреть все бумаги самым тщательным образом. Может быть, наткнемся еще на что-то в этом духе. И надо разыскать этого Франца Рингхольма.

– Рингхольм, Рингхольм... – Йоста возвел глаза к потолку. – Где-то я слышал это имя.

Подумав немного, он сдался, но выражение задумчивости так и не сходило с его лица, пока они тщательно просматривали остальные папки.

Через час Мартин закрыл последнюю.

– Больше ничего интересного.

– Нет, – согласился Йоста, – и о «Друзьях Швеции» больше ни слова.

Они покинули библиотеку и осмотрели другие помещения. Везде находились следы интереса хозяина к Германии и Второй мировой войне, но ничего такого, что могло бы привлечь особое внимание. Дом сам по себе был большой, красиво, хотя и несколько старомодно обставленный. Кое-где требовался ремонт. Везде имелись черно-белые фотографии родителей, братьев и еще чьи-то, по-видимому родственников, – висели в красивых рамах на стенах, стояли на комодах и столиках. Странно, Мартин почему-то все время ощущал их присутствие. Похоже, братья мало что изменили в убранстве дома после смерти родителей. Все содержалось в образцовом порядке, если не считать накопившегося за лето тонкого слоя пыли на мебели и полу.

– Интересно, они занимались уборкой сами или кто-то приходил? – Мартин провел пальцем по полированной поверхности комода в одной из трех спален на втором этаже.

– Сами? Трудно вообразить – два старика далеко за семь-

десять гоняют по дому с тряпками и пылесосом. – Йоста открыл дверь платяного шкафа. – Интересно, чья это спальня? Эрика или Акселя?

Он пробежал пальцами по длинному ряду серых и коричневых пиджаков и белых сорочек, аккуратно развешанных на плечиках.

– Эрика. – Мартин взял с тумбочки книгу. На титульном листе карандашом было написано: «Из книг Эрика Франкеля». – Все о том же... «Архитектор Гитлера – биография Альберта Шпеера», – прочитал он вслух название и положил книгу на место.

– После войны двадцать лет просидел в тюрьме Шпандау, – пробормотал Йоста.

– Откуда ты знаешь? – Мартин заинтересованно посмотрел на напарника.

– Читал... смотрел по каналу «Дискавери». Я тоже интересуюсь Второй мировой.

– Вот оно что! – Удивленная мина не сходила с лица Мартина.

За все годы совместной работы он впервые услышал, что у Йосты есть и другие интересы, кроме гольфа.

Они провели в доме еще не меньше часа, но ничего существенного не обнаружили. Все равно Мартин был доволен – во всяком случае, появился хоть какой-то исходный пункт. Франц Рингхольм.

Народу в «Консуме» почти не было. Патрик, не торопясь, двигался вдоль полок. Приятно удрать из дома хоть ненадолго. Всего третий день родительского отпуска! С одной стороны, ему очень нравилось возиться с Майей, а с другой – он настолько не привык сидеть целыми днями дома, что его то и дело тянуло куда-нибудь смыться. Не потому, что нечего было делать: он очень быстро обнаружил, что годовалый ребенок обеспечивает полную занятость на весь рабочий день. И даже сверх того. Нет, признался Патрик себе с некоторым смущением, дело не в праздности. Просто работа эта была... как бы это сказать... не слишком вдохновляющей. И ведь не оторваться, даже в туалет он не мог спокойно зайти: Майя взяла за привычку барабанить кулачками в дверь и кричать «па, па, па, па!», пока он не откроет дверь. А потом стояла и с интересом наблюдала, как он занимается вещами, которыми привык заниматься в уединении.

Ему, конечно, было неудобно, что он нагрузил Эрику, но Майя же все равно спит. Надо позвонить домой и узнать, как дела. На всякий случай. Патрик сунул руку в карман и в ту же секунду вспомнил, что оставил мобильник на кухне. Ладно... наверняка там все в порядке. Он подошел к полкам с детским питанием. «Филе, тушенное в сливках», «Рыба в укропном соусе»... «Спагетти с мясным фаршем», так, это лучше. А еще лучше приготовить для Майи что-нибудь самому. Хорошая идея, решил он, и поставил консервы назад на полку. Он будет готовить, а Майя будет сидеть рядом и...

– Позвольте предположить... Типичная ошибка новичка – думать, будто он умеет готовить.

– Карин! – Патрик резко повернулся. – Что ты здесь делаешь?

Никак он не ожидал встретить в «Консуме» в Фьельбаке свою бывшую жену. Последний раз они виделись, когда она ушла из их общего дома в Танумсхеде – к любовнику, с которым он застал ее в своей постели. Эта картина надолго застряла где-то на сетчатке, хотя... Давно все это было. Забыто. Пройденный этап.

– Мы с Лейфом купили дом в Фьельбаке. В Сумпане.

– Вот как... – Патрик изо всех сил старался стереть с лица гримасу удивления.

– Да, мы переехали поближе к родителям Лейфа. По крайней мере, будут помогать с Людде.

Только сейчас Патрик обратил внимание, что в коляске сидит малыш и улыбается от уха до уха.

– Смотри-ка, – сказал Патрик. – Тайминг – лучше некуда. У меня девчушка в том же возрасте.

– Слышали, слышали, – засмеялась Карин. – Ты ведь женился на Эрике Фальк? Передай ей, мне нравятся ее книги.

– Передам обязательно. – Патрик сделал «козу» Людде. Тот заулыбался еще шире, эксплуатируя свое младенческое обаяние на полную катушку. – А чем ты сейчас занимаешься? Я слышал, ты в какой-то ревизионной конторе...

– Когда это было! Я уже три года там не работаю. Вооб-

ще-то я в консалтинговой фирме – экономические вопросы, то-се, но сейчас в отпуске по уходу за ребенком.

– И я, – с определенной гордостью сказал Патрик. – Уже третий день.

– А где же?... – Карин заглянула Патрику за спину.

– Она сейчас с Эрикой, – глупо улыбнулся Патрик. – У меня кое-какие срочные дела...

– Знакомо, – подмигнула Карин. – Мужчины совершенно неспособны делать сразу несколько дел одновременно.

– Пожалуй, так и есть.

– У меня идея – мы же можем вместе гулять с детьми! Они друг друга будут занимать, а мы сможем поболтать о чем-то, кроме «ути-пути». По-моему, неплохо придумано.

– Вполне. А где вы гуляете?

– Мы с Людде идем гулять часов в десять. Можешь присоединиться. Встретимся у аптеки в четверть одиннадцатого.

– Договорились... Кстати, сколько сейчас времени? Забыл дома мобильник.

Карин посмотрела на часы.

– Четверть третьего.

– О, дьявол! Я уже два часа болтаюсь!

Патрик схватил тележку и почти побежал к кассе.

– Увидимся! – крикнул он на ходу.

– Четверть одиннадцатого у аптеки! И не опаздывай, как всегда!

– Ни в коем случае! – Патрик лихорадочно кидал покупки

на ленту конвейера.

В глубине души тлела слабая надежда, что Майя еще спит.

Он посмотрел в иллюминатор – утренний туман. Молочный, густой. Самолет уже заходил на посадку в Ландветтере – послышался характерный звук выпускаемого шасси. Аксель откинул голову на подголовник и опустил веки. Не надо было этого делать – перед глазами понеслись картины, преследовавшие его все эти годы. Ночью он почти не спал – лежал в своей квартире в Париже и вертелся с боку на бок.

Особого тепла в голосе звонившей ему женщины он не заметил. Вежливо, но без особого сочувствия. Профессиональная холодность – наверное, она не в первый раз сообщает людям о смерти их близких.

Сколько же было таких извещений в новейшей истории... Звонок из полиции, священник у дверей, конверт с военной печатью. Миллионы, миллионы, миллионы... Кто-то же должен извещать родных. К этому тоже привыкаешь.

Аксель прикрыл рукой ухо – выработавшийся с годами бессознательный жест. Он давно уже оглох на левое ухо, и ему казалось, что неприятный шум становится меньше, если прикрыть ухо ладонью.

Он опять посмотрел в иллюминатор и увидел собственное отражение. Седой, морщинистый восьмидесятилетний старик. Он провел рукой по лицу – ему показалось, он видит Эрика.

Самолет крикнул и покатился по бетону.

Мельберг не забыл давешнее происшествие, а потому снял с гвоздя поводок и закрепил карабин на ошейнике Эрнста.

– Пошли, чтобы с этим было покончено.

Он сказал это довольно сурово, но Эрнст, ошавев от счастья, тут же потащил его за собой, так что Бертилю пришлось чуть ли не бежать.

– По идее, ты должен вести собаку, а не она тебя, – весело прокомментировала Анника.

– Иди сама и гуляй с ним, – огрызнулся Мельберг, открывая тяжелую дверь.

Чертов барбос! У Мельберга заболела рука, он с трудом удерживал пса. Тот остановился у первого же кустика, поднял ногу, пописал и немного успокоился. Дальше они двинулись уже помедленнее. Вдруг Мельберг поймал себя на том, что начал насвистывать. А что... не так уж плохо. Свежий воздух, да и прогулка не повредит. И Эрнст вел себя более чем достойно – обнюхивал землю и то и дело оглядывался на хозяина. Животным тоже нужна сильная рука. Не так уж трудно с ним управляться.

Сглазил... Эрнст внезапно остановился как вкопанный, напрягся и наострил уши. Постоял несколько секунд и рванул так, что Мельберг еле удержался на ногах.

– Эрнст! Какого черта! – Он пытался удержать пса, но тот

тянул с такой силой, что чуть не волок Мельберга за собой. Если бы я упал, с горечью подумал Бертиль, его бы и это не остановило. – Эрнст!.. Эрнст!.. Место! Ко мне!..

С непривычки он задохнулся от бега, так что вынужден был переводить дыхание чуть ли не после каждого слова. Пес не обращал на его команды ни малейшего внимания. Только когда они свернули на боковую тропинку, Мельбергу стала ясна причина внезапного бунта – Эрнст подбежал к большой белой собаке той же неопределенной породы, что и он сам, и они завертелись друг вокруг друга, весело таякая и припадая передними лапами к земле.

– Сеньорита, место! Фу! Сидеть! – Невысокая темноволосая женщина, в отличие от Бертиля, сразу добила результат – собака села рядом с ней и посмотрела на хозяйку, словно извиняясь. – Фу, Сеньорита, как не стыдно! – Женщина произнесла эти слова, глядя собаке прямо в глаза и таким тоном, что Мельбергу захотелось встать по стойке «смирно».

– Прошу прощения, – заикаясь, произнес он, изо всех сил удерживая поводок.

– Похоже, ваша собака не особенно вас слушается, – с каким-то южным акцентом произнесла женщина и вперила в Бертиля темные строгие глаза.

– Вообще-то это не моя собака... Меня попросили за ней последить. – Мельберг откашлялся и произнес более уверенно: – У меня никогда не было собак. Пес, как сказано, не мой.

– Он, мне кажется, придерживается другого мнения. –

Она показала на Эрнста, который тесно прижался к ноге Мельберга и поглядывал на него с таким обожанием, что было невозможно истолковать его взгляд как-то по-другому.

– Да-да... успел привязаться, знаете ли...

– Могу составить вам компанию. Меня зовут Рита. – Она протянула Бертилю крепкую смуглую руку для пожатия. – Я всю жизнь с собаками, так что могу вас кое-чему научить. И потом, в компании веселей.

Не дожидаясь ответа, она двинулась по тропинке, и Мельберг, сам не зная почему, пошел за ней. И Эрнст не протестовал. Он примерился к шагу Сеньориты и шел рядом, весело помахивая хвостом.

* * *

Фьельбака, 1943 год

– Эрик? Франц? – Бритта и Эльси постучали и, не дождав-
шись ответа, шагнули через порог.

Пугливо огляделись – доктор и его жена вряд ли одобряют, что к сыну в их отсутствие приходят две девочки. Обычно они встречались внизу, в поселке, но на этот раз Эрик набрался смелости и позвал их домой – родителей до вечера не будет.

– Эрик! – На этот раз Эльси крикнула погромче и услышала в ответ шипение.

Эрик высунул голову из двери.

– Ш-ш-ш... Аксель спит наверху. Вернулся только под утро.

– Он такой смелый! – Бритта вздохнула, но тут же просияла – в комнате появился Франц.

– Привет!

– Привет! – откликнулся Франц и поискал глазами Эльси. – Привет, Эльси!

– Привет, Франц. – Эльси подошла к книжным полкам. – Ух ты... Сколько у вас книг!

– Можешь взять что-нибудь почитать, – храбро предложил Эрик, но тут же добавил: – Только аккуратно. Папа не любит, когда портят книги.

– Еще бы! – Эльси погрузилась в разглядывание корешков. Она обожала читать.

Франц исподтишка наблюдал за ней.

– А по-моему, чтение – пустая трата времени, – заявила Бритта. – Гораздо интереснее пережить все самой, чем читать, что другие пережили. Правда, Франц? – Она уселась в кресло и посмотрела на парня.

– Одно другому не мешает, – не глядя на нее, возразил Франц. Он по-прежнему не отводил глаз от Эльси.

Бритта нахмурилась и опять вскочила.

– В субботу танцы! – Она сделала несколько па.

– Меня наверняка родители не пустят, – тихо сказала Эльси, не поворачиваясь.

– Почему это не пустят? – Бритта, танцуя, сделала неудачную попытку вытащить Франца из кресла.

– Кончай дурака валять! – Франц не удержался от смеха. – Сумасшедшая...

– А ты не любишь сумасшедших? Все – серьезнее меня никого нет... я очень серьезная и в то же время очень веселая... – Она громко засмеялась.

– Да тихо же! – Эрик кивком показал на потолок.

– А могу быть совершенной тихоней, – театрально прошептала Бритта.

Франц, продолжая смеяться, привлек ее к себе и посадил на колени.

– Ну и шуму от вас! – В дверях появился Аксель. Он устало улыбался.

– Извини, мы не хотели тебя будить. – Эрик с обожанием посмотрел на старшего брата.

– Неважно... потом досплю. – Аксель сложил руки на груди. – Значит, пока мама с папой у Аксельссонов, ты тут принимаешь дам.

– Ну уж дам...

– Где ты видишь дам? – Франц не спускал Бритту с колен. – Дам здесь, насколько глаз хватает, не заметно. Две фи-тюльки...

– Молчать! – Бритта слегка стукнула его кулаком в грудь.

– А Эльси настолько погрузилась в книжки, что даже не здоровается, – укоризненно произнес Аксель.

Эльси вздрогнула и отвела взгляд от полок.

– Ой, прости... Добрый день, Аксель.

– Я шучу. Все в порядке. Эрик ведь сказал тебе, что ты можешь взять почитать, какую захочешь?

– Да. – Эльси быстро повернулась к полкам, чтобы другие не заметили, что она покраснела. – Как все прошло вчера?

Улыбка исчезла с лица Акселя.

– Хорошо, – коротко сказал он. – Все прошло хорошо...
Пойду еще поваляюсь. Не шумите так...

Эрик проводил брата взглядом. Он очень любил Акселя, но и втайне ему завидовал.

Франц Акселем откровенно восхищался.

– Брат у тебя что надо! Эх, будь я немного постарше...

– И что? – ехидно спросила Бритта. Она еще не простила Францу «фитюльку». – И что бы ты сделал, будь ты постарше? Да ты бы никогда не решился... А что сказал бы твой отец? Он если кому-то и стал бы помогать, то только немцам.

– Заткнись! – Франц толкнул Бритту с колен. – Люди болтают неизвестно что. Все это сплетни и больше ничего. Охота слушать!

Эрик, которому всегда выпадала в компании роль миротворца, резко встал.

– Слушать – это мысль. Пошли к патефону. У меня новые пластинки Каунта Бейси.

Эрик терпеть не мог ссор.

Она всегда любила аэропорты. Самолеты взлетают и приземляются, люди с чемоданами, сумками, кто-то улетает в отпуск, кто-то по делам. Полные надежд взгляды, встречи и проводы...

Внезапно пришло воспоминание – тоже аэропорт. Много-много лет назад. Толпа людей, тревожный гомон, краски, запахи. Мать судорожно сжимает ее руку и старается сохранять спокойствие, но Паула не столько видит, сколько угадывает ее волнение. Сумка, которую они упаковывали и распаковывали много раз, – все должно быть правильно. Они улетали, чтобы не возвращаться. Она помнит, как тепло было в аэропорту и как холодно, когда приземлились. Раньше она никогда даже не думала, что может быть настолько холодно. И аэропорт был совсем другой – полупустой, мрачноватые цвета в серой гамме... Никто не говорил громко, не жестикулировал, не смотрел прямо в глаза. Все люди, казалось, спрятались в своих коконах. На контроле служащий, тоже не глядя в глаза, странным голосом на странном языке что-то им сказал, они не поняли, и тогда он жестом велел – проходите, проходите. И мать так и не отпускала ее руку...

– Это, должно быть, он. – Мартин показал на старика, проходящего паспортный контроль: высокий, седой, в светло-бежевом плаще.

Эlegantный, машинально отметила Паула.

– Пошли. – Они дождались, пока старик пройдет контроль. – Аксель Франкель?

Тот кивнул.

– А я собирался сразу ехать в отдел... – устало сказал Аксель.

– Мы решили вас подвезти. – Мартин дружелюбно посмотрел на старика. – Чем сидеть там и ждать...

– Спасибо, весьма кстати. Я не очень люблю общественный транспорт.

– У вас есть багаж? – Паула невольно посмотрела на багажный конвейер.

– Нет-нет, ничего, только ручная кладь. – Он катил за собой небольшой чемоданчик на колесах. – Люблю путешествовать налегке.

– Искусство, которым я так и не овладела, – засмеялась Паула так заразительно и дружелюбно, что Аксель, несмотря на очевидную усталость, улыбнулся ей в ответ.

По дороге к машине они успели обсудить погоду в Фьельбаке и в Париже.

– Удалось вам... узнали что-нибудь новое? – спросил Аксель, когда машина тронулась. Голос его слегка дрожал.

Паула, устроившаяся рядом на заднем сиденье, покачала головой.

– Нет, к сожалению. Мы надеялись на вашу помощь. Например, может быть, вы знаете кого-то, кто ненавидел Эри-

ка? Хотел отомстить ему за что-то?

Аксель задумался ненадолго.

– Нет... и в самом деле нет. Брат был очень мирным человеком. Даже странно предположить, что кто-то...

– Что вы знаете о его взаимоотношениях с группой под названием «Друзья Швеции»? – Мартин посмотрел в зеркало заднего вида и встретился взглядом с Акселем. – Мы, естественно, просмотрели его корреспонденцию. Франц Рингхольм...

Аксель потер переносицу. Паула и Мартин напряженно ждали ответа.

– Это сложная история... Ее корни в далеком прошлом.

– Время у нас есть, – сказала Паула, давая понять, что они ждут продолжения.

– Мы друзья детства. Знакомы, можно сказать, с пеленок. Но... как бы вам сказать... дороги разошлись. Мы выбрали один путь, Франц – другой.

– Он правозэкстремист? – спросил Мартин, и опять их взгляды встретились. – Я имею в виду, Франц?

Аксель кивнул.

– Не знаю точно, в какой степени, но Франц всю жизнь вращался в этих кругах. Собственно, он и основал это движение – «Друзья Швеции». Конечно, он много вынес из семьи, этого следовало ожидать, но в то время он таких симпатий не выражал. Во всяком случае, открыто... Люди меняются.

– И почему это общество... или организация... или движение, называйте, как хотите, – почему они считали, что Эрик им чем-то опасен? У меня сложилось впечатление, что он никакой политической активности не проявлял. Занимался историей Второй мировой, научный интерес, не более.

– Это не так легко расставить по полкам. – Аксель вздохнул. – Нельзя изучать нацизм и оставаться совершенно вне политики. Многие сегодняшние нацисты уверены, что концлагерей никогда не было и что каждая попытка доказать обратное – вражеская акция, направленная против них... Я же сказал вам – сложная история.

– А вы сами? – Паула пристально уставилась на старика. – Вы тоже этим занимались? Вам тоже угрожали?

– Конечно... Причем занимался куда интенсивнее, чем Эрик. Я работал с центром Симона Визенталя.

– Центр Симона Визенталя? – полувопросительно произнес Мартин.

– То есть вы принимаете участие в отслеживании бывших нацистов и помогаете предать их суду? – Паула, оказывается, была лучше информирована.

– Среди всего прочего – да. Центр сохраняет все документы. Вы можете поговорить с ними и получить доступ к любым материалам. – Аксель протянул Пауле визитную карточку, которую та сунула в нагрудный карман.

– А «Друзья Швеции»? Вы что-нибудь от них получали?

– Нет... не знаю... Нет, насколько мне помнится – нет. Но

проверьте на всякий случай в центре. У них сотни миллионов единиц хранения.

– Франц Рингхольм, как он вписывается в картину? Вы сказали, что дружили с детства?

– Он скорее дружил с Эриком. Я на несколько лет старше, так что и друзья у меня были постарше.

– Но Эрик был с ним близок? – Карие глаза Паулы буквально сверлили старика.

– Да, хотя много лет после этого они не встречались. – Акселю тема разговора была очевидно неприятна. – Подумайте сами – прошло шестьдесят лет! Даже если ты еще не впал в слабоумие, воспоминания становятся все более расплывчатыми. – Он слегка улыбнулся и постучал указательным пальцем по лбу.

– Все-таки не шестьдесят... Письма Франца написаны совсем недавно.

– Не знаю, не знаю... В конце концов, у меня своя жизнь, у брата – своя. Я же не мог досконально знать, с кем он переписывается и о чем. Не забудьте, что мы поселились в Фьельбаке постоянно всего три года назад. Впрочем, как сказать – постоянно... не совсем. У Эрика есть... была квартира в Гётеборге, а я езжу по всему миру. Но этот дом – он как порт приписки. Если меня спрашивают, где я живу, я отвечаю: в Фьельбаке. Но на лето я поселяюсь в квартире в Париже. Не выношу всей этой связанной с туристами суеты. А все остальное время... Можно сказать, мы живем очень спо-

койной жизнью, мой брат и я... простите, жили. – Голос его дрогнул. – К нам никто, кроме уборщицы, не приходит.

Паула и Мартин переглянулись. Он еле заметно кивнул и вырулил на скоростное шоссе. Спрашивать, собственно, больше было не о чем. Всю оставшуюся дорогу они старались говорить о чем-то не важном – у Акселя был такой вид, что он вот-вот потеряет сознание.

– Вы... вы уверены, что у вас не будет психологических трудностей, если вы вернетесь к себе?

Аксель вышел из машины и постоял немного, глядя на большой белый дом.

Потом покачал головой.

– Нет. Это мой дом. Мой и Эрика.

Он пожал им руки и направился к крыльцу, катя за собой чемоданчик. Паула долго смотрела ему в спину.

Ей показалось, что от него исходят флюиды одиночества.

– Ну что, получил вчера на орехи? – Карин, посмеиваясь, толкала коляску с Людде так быстро, что Патрик начал задыхаться.

– Да... можно и так сказать. – Он вспомнил вчерашний день.

Эрика встретила его мрачнее тучи. Он, конечно, мог ее понять. Весь смысл его отпуска заключался именно в том, чтобы дать ей возможность поработать. Но все равно, считал Патрик, она явно перегнула палку. Он же не развлекаться

пошел, а сделать необходимые для дома дела. И откуда ему было знать, что именно вчера Майя неожиданно проснется? Днем она всегда спит без задних ног после прогулки. И уж во всяком случае Эрика могла бы и не дуться до вечера. Но к счастью, Эрика была не злопамятна – утром она, как всегда, чмокнула его в нос. Что было – то прошло. Но рассказать ей, что он нашел компанию для прогулок, Патрик не посмел. Потом расскажет. Не то чтобы Эрика стала ревновать его к бывшей жене, но... потом, когда расклад будет лучше. Тогда и расскажу, решил он.

– А Эрика не возражает, что мы встречаемся? – Карин словно угадала его мысли. – Мы, конечно, давным-давно расстались, но положение все-таки слегка щекотливое.

– С чего бы ей возражать? – Патрику не хотелось признаваться в своей трусости. – Все спокойно. У Эрики с этим проблем нет.

– Вот и славно. Потому что, знаешь... конечно, в компании гулять приятней, но если это вызовет какую-то реакцию...

– А как Лейф? – Патрик решил сменить тему.

Он наклонился к Майе и поправил съехавшую шапочку. Малышка не обратила на него ни малейшего внимания – она была поглощена беседой с Людде на одном им понятном языке.

– Лейф... – Карин хмыкнула. – Можно сказать, чудо, что Людде вообще узнаёт Лейфа. Он же все время на гастролях.

Патрик сочувственно кивнул: новый муж Карин пел в каком-то ансамбле.

– Надеюсь, у вас никаких проблем не возникает?

– Мы слишком редко видимся, чтобы возникли проблемы. – Карин опять засмеялась, но, как показалось Патрику, несколько принужденно.

Скорее всего, она что-то скрывает, но он не чувствовал себя вправе расспрашивать. Довольно странно – обсуждать семейные проблемы с бывшей женой. Он мучительно придумывал, что сказать, но его спас звонок мобильного.

– Патрик Хедстрём.

– Привет, это Педерсен. Готовы результаты вскрытия. Я послал протокол факсом, но ты, наверное, хочешь услышать подробности...

– Да. Конечно... Разумеется... – (Карин уморила шаг, чтобы дать ему поговорить не на бегу.) – Только знаешь, я сейчас в родительском отпуске...

– Здорово! Поздравляю, тебя ждет много радости. Я в общей сложности провел с детьми полгода. Это было лучшее время в моей жизни.

У Патрика отвалилась челюсть. Этого он никак не ожидал. Педерсен – холодноватый, собранный, невозмутимый судебный медик... лучшие месяцы в жизни! Он представил себе Педерсена в голубом халате, сидящего в песочнице и с присущей ему аккуратностью и безупречной точностью пекущего песочные пирожки. Патрик засмеялся.

– Что тут смешного? – несколько надменно спросил Педерсен.

– Ровным счетом ничего. – Патрик сделал знак Карин: потом объясню. – Конечно, мне хотелось бы знать, в чем там дело. Я был на месте преступления. Знаешь, отпуск отпуском, а работа работой.

– Можно и так сказать, – произнес Педерсен, по-прежнему без особой теплоты в голосе. – Так вот: удар тяжелым предметом по голове. Скорее всего, камнем, причем каким-то рыхлым камнем – в черепе найдены мелкие осколки. Какой-то известняк. Смерть наступила мгновенно – удар в левую височную область привел к обширному кровоизлиянию.

– Откуда нанесен удар? Сзади? Сбоку?

– У меня складывается впечатление, что удар был нанесен сверху и сзади. Убийца стоял за спиной жертвы. Не левша – удар очевидно нанесен с правой руки.

– А что за камень? Не принес же он его с собой? Можешь сказать что-то подробнее?

Патрик почувствовал знакомый азарт. Все же самое естественное для человека – заниматься своим делом.

– Это уже ваша работа. Тяжелый каменный предмет – вот и все, что я могу сказать. Скорее всего, без острых краев. Типичное размозжение.

– Ну что ж, значит, нам есть из чего исходить.

– Вам? – саркастически переспросил Педерсен. – Ты же в

родительском отпуске.

– Да... Ты прав. – Патрик сделал паузу. – Позвони, пожалуйста, в отдел.

– Да уж, учитывая сложившиеся обстоятельства, придется так и сделать, – ехидно расшаркался Педерсен. – Как ты посоветуешь? Брать быка за рога и звонить Мельбергу?

– Мартину, – инстинктивно отозвался Патрик.

Педерсен хихикнул.

– Я так и думал, но спасибо за подсказку. А почему ты не спрашиваешь, когда наступила смерть?

– Конечно! – спохватился Патрик. – И когда же?

– Точно сказать нельзя: слишком долго он там сидел в такую жару. Но примерно два или три месяца назад. Скажем так: в июне.

– А точнее нельзя определить? – Патрик задал этот вопрос, прекрасно зная, причем дословно, что скажет Педерсен. «Мы здесь не волшебники...»

– Мы здесь не волшебники, магического кристалла у нас пока нет. Июнь. На сегодня это все. Основания? Вид мух, сколько поколений мух и червей успело смениться за это время. Учитывая все данные, приходим к выводу – июнь. А чтобы установить дату точнее, придется работать. Твоим коллегам, я имею в виду. – Он опять хохотнул. – Ты же в родительском отпуске...

Патрик попробовал вспомнить, когда видел Педерсена смеющимся, и не смог. А тут за один разговор этот мрачный

тип принимался смеяться раза три – его, представьте себе, насмешило, что Патрик в родительском отпуске. Он произнес дежурную прощальную фразу и нажал кнопку отбоя.

– Работа? – спросила Карин с любопытством.

– Да... Это по поводу текущего следствия.

– Старик, которого нашли мертвым?

– Сарафанное радио работает, как я погляжу...

Карин вновь прибавила шагу, и ему пришлось чуть не бежать, чтобы ее настичь.

Красная машина, проехавшая мимо, замедлила ход и встала в сотне метров. Патрик остановился – у него возникло чувство, что водитель рассматривает их в боковое зеркало. Неожиданно машина дала задний ход, и Патрик выругался про себя – только сейчас он сообразил, что это автомобиль матери!

– Привет, нет, вы только поглядите – гуляют себе на пару! – Кристина опустила стекло и вытаращила на них глаза.

– Привет, Кристина! Рада тебя видеть! – Карин наклонилась к дверце и чмокнула бывшую свекровь в щечку. – Мы переехали в Фьельбаку, и я наткнулась на Патрика. Он в отпуске с ребенком, я в отпуске с ребенком – почему бы нам не составить друг другу компанию? Посмотри, у меня теперь есть Людвиг!

Кристина заглянула в коляску и издала звук, приличествующий, по ее мнению, для общения с годовалым младенцем.

– Замечательно! – сказала Кристина голосом, от которого

у Патрика похолодело в животе.

– А ты куда собралась? – спросил он, не ожидая от ответа ничего хорошего.

– К вам, конечно! Давно не была. Испекла кое-что. – Она с улыбкой показала на пакет с булочками и коробку с бисквитом рядом на сиденье.

– Эрика работает, – обреченно промямлил Патрик, зная, что для матери это не аргумент.

– Вот и хорошо! Сделает перерыв и выпьет кофе с бисквитом, что может быть лучше! – Кристина включила первую скорость, удерживая сцепление. – Ты же тоже скоро придешь?

– Конечно, конечно... – Патрик лихорадочно пытался найти способ подсказать матери, что не стоит докладывать Эрике про их случайную встречу, но так ничего и не придумал.

Он проводил взглядом красный «пежо». Предстоит очередное объяснение.

Наконец-то она взяла разгон. Текст лился свободно и логично, за утро – четыре страницы. Совсем неплохо.

Эрика удовлетворенно откинулась на стуле. Вчерашнюю злость как рукой сняло. Зря она так... Ничего, надо приготовить к ужину что-нибудь вкусненькое. Перед свадьбой они оба старались держать форму, сбросили по паре килограммов, но сейчас как-то перестали на это обращать внима-

ние. В конце концов, можно же иногда себе позволить, иначе жизнь становится неинтересной. Свиное филе под соусом из горгонзолы, к примеру. Патрик обожает.

Так тому и быть. С ужином вопрос решен. Она открыла дневник матери. Собственно, надо бы сесть и прочитать все зараз, но она почему-то никак не могла себя заставить. Эрика закинула ноги на стол и принялась разбирать красивый, но витиеватый, иной раз до непонятности, почерк. Пока ей попадались только бытовые подробности: что делала Эльси, чем помогала матери... Беспокойство за отца, деда Эрики, который постоянно был в море, и в будни, и в праздники. Мысли о жизни были по-детски наивны – за ними так и слышался тонкий девчачий голосок, и Эрике было очень трудно сопоставить эту интонацию с твердым, даже суровым голосом матери, которая никогда не говорила детям – ни ей, ни Анне – ласковых слов. Строгое воспитание... Да, так это и называется: они получили строгое воспитание.

На второй странице она вдруг наткнулась на знакомое имя. Даже два. Эльси записала, что была дома у Акселя и Эрика, потому что их родители уехали. Про это событие было написано довольно много, в основном мать поразило собрание книг, но Эрика никак не могла сосредоточиться. Два имени: Эрик и Аксель. Наверняка это братья Франкель. Она прочитала страницу несколько раз и сделала вывод, что мать встречалась с этими мальчиками довольно часто, вернее, с младшим, Эриком. Они дружили вчетвером – Эрик, Эльси,

Бритта и Франц. Эрика попыталась припомнить, называла ли мать когда-нибудь эти имена. Нет. Не называла. А Аксель в дневнике Эльси предстает прямо сказочным героем. «Он такой смелый и красивый, почти как Эррол Флинн». Может быть, мать была влюблена в Акселя? Эрика еще раз перечитала относящиеся к нему строки дневника. Нет, это не влюбленность. Скорее, восхищение.

Эрика положила дневник на колени и задумалась. Почему Эрик Франкель не сказал ни слова о том, что в детстве дружил с ее матерью? Она же рассказала ему, где нашла медаль, назвала имя матери. Эрика опять вспомнила странное молчание старика. Нет, ей не показалось. Он что-то от нее скрыл.

Резкий звонок в дверь прервал ее размышления. Она вздохнула. Кого еще принесло? Загадка решилась быстро – раздался знакомый голос: «Хелло! Есть кто дома?» Кристина, как всегда, не стала дожидаться, пока ей откроют. Эрика снова вздохнула, спустилась по лестнице, стараясь придать лицу дружелюбное выражение.

– Привет, – сказала она и тут же почувствовала, насколько неестественно это прозвучало.

– Вот и я! – сообщила свекровь, как будто без этого комментария оставались какие-то сомнения – она это или не она. – Я тут испекла кое-что к кофе. У вас, деловых женщин, нет времени для такой ерунды.

Эрика чуть не закричала зубами. У Кристины было

непревзойденное умение жалить исподтишка. Интересно, врожденный это талант или результат многолетней тренировки? Скорее всего, и то и другое.

– Спасибо, – вежливо сказала она вслух.

Кристина уже занялась приготовлением кофе, словно бы это был ее дом, а не Эрики.

– Посиди, я все сделаю, – сказала она, – я же знаю, где что лежит.

– Еще бы, – отозвалась Эрика тоном, задуманным как саркастический. Впрочем, она вовсе не была уверена, что свекровь уловит сарказм. – Патрик гуляет с Майей. Наверное, придут не скоро.

Наивная попытка сократить визит Кристины успеха не принесла.

– Ничего подобного, – заявила та, одновременно отмеривая кофе – три, четыре... – скоро явятся. Я их обогнала, они уже идут домой. Хорошо, что Карин переехала в Фьельбаку, у Патрика, по крайней мере, будет компания. Это так скучно – бродить одному, тем более Патрику. Он привык работать и приносить пользу...

Эрика уставилась на Кристину, пытаясь понять, о чем она трещит. Карин? Компания? Какая Карин?

В холле появился Патрик с коляской, и она тут же сообщила. Вот такая Карин...

Патрик изобразил улыбку.

– Кофе – это хорошо, – сказал он, как ему показалось,

вполне непринужденно.

Они собрались на кухне. Дело шло к ланчу, и у Мельберга бурчало в животе – не только в фигуральном, но и в буквальном смысле.

– Та-ак... и какие успехи? – Он потянулся к блюду с булочками, заботливо поставленному Анникой. Легкая закуска перед ланчем не повредит. – Паула? Мартин? Вы должны были поговорить с братом убитого. Есть что-то интересное?

– Да, мы встретили его в Ландветтере, – сказала Паула. – Похоже, он мало что знает. Спросили насчет писем от «Друзей Швеции». Он только подтвердил, что Эрик и Франц Рингхольм – друзья детства. Но Акселию ничего не известно о каких-то угрозах, хотя он и не исключает такую возможность, учитывая, чем они с Эриком занимаются.

– А сам Аксель не получал писем с угрозами? – быстро спросил Мельберг. Он не успел прожевать булочку, и над столом веером полетели крошки.

– По-видимому, получал, и не так уж мало. Но все эти письма архивируются в организации, на которую он работает.

– То есть он сам не знает, получал ли письма от «Друзей Швеции» или нет?

Паула утвердительно кивнула:

– Похоже, так и есть. Все письма от неизвестных корреспондентов поступают непосредственно в центр. И я пони-

маю Акселя — лучше не иметь дела с этим дерьмом.

— Какое у вас сложилось впечатление? Я слышал краем уха, что он в юности был чуть не героем Сопротивления.

— Очень элегантный и достойный господин. Настроение у него, конечно, подавленное. Легко понять. Мне показалось, он очень тяжело воспринял гибель брата. А тебе? — Паула повернулась к Мартину.

— У меня такое же впечатление.

— Думаю, придется встретиться с Акселем Франкелем еще раз. — Мельберг поглядел на Мартина и хмыкнул. — Как я понимаю, ты уже говорил с Педерсеном? Странно, что он не захотел поговорить со мной...

Мартин прокашлялся.

— Почему не захотел? Ты как раз в это время выгуливал собаку. Конечно, если бы ты был на месте, он бы в первую очередь сообщил тебе.

— Вот оно что! Может, и так... И что он сказал?

Мартин вкратце пересказал заключение судебных медиков.

— Педерсен сначала позвонил Патрику, — засмеялся он под конец. — Тот, похоже, не особенно доволен своими успехами на семейном фронте. Патрик выудил у Педерсена все подробности вскрытия, а потом вообще увязался за нами, на место преступления ему захотелось. Я не удивлюсь, если он через пару дней появится здесь. Вместе с Майей и коляской.

Анника улыбнулась.

– Да, я вчера с ним говорила. Он сказал, что сразу трудно перестроиться. Вполне дипломатичное определение.

– Еще бы не трудно! – Мельберг опять выразительно хмыкнул. – Все это идиотские выдумки. Взрослые мужики должны менять подгузники и готовить детское питание! По этой части раньше было лучше. Каждый занимался своим делом. Наше поколение делало то, для чего мы, мужики, и предназначены. А женщины возились с детьми.

– Я бы с удовольствием менял подгузники, – тихо сказал Йоста, не поднимая головы.

Стало тихо. Все вспомнили, что у Йосты недавно умерла жена. Когда-то она родила ему сына, но тот тоже умер, сразу после рождения. Больше детей у них не было.

Нарушила молчание Анника.

– А я думаю, это полезно. Мужики должны знать, что это за работа – возиться с детьми. Потяжелее любой другой. У меня, может, своих детей и нет, – тут настал черед Анники пригорюниться, – но у всех подруг дети, и уверяю вас, они не лежат на диване целыми днями и не жрут шоколадные конфеты. Патрику тоже полезно попробовать на своей шкуре.

– Меня ты не убедишь, – сказал Мельберг и озабоченно воззрился на лежащую перед ним кипу бумаг. Стряхнул крошки и начал просматривать. – Ага... Это заключение Турбьёрна и его парней...

– И девушек, – поправила Анника.

Мельберг закатил глаза.

– И девушек... Сойдешь ты когда-нибудь с этой феминистской баррикады? Будем заниматься следствием или обсуждать последнюю речь Гудрун Шуман?⁴

Он покачал головой и помолчал немного, пытаясь поймать утраченную нить.

– Да... в общем, заключение Турбьёрна и его сотрудников. Тоже можно определить двумя словами – никаких сюрпризов. Есть отпечатки обуви, отпечатки пальцев, еще какие-то отпечатки – все это надо будет принять во внимание и проанализировать. Йоста, займись... Возьми отпечатки пальцев у этих пацанов, у братьев... у брата. Чтобы их исключить. Потом займемся остальными, если они есть. Дальше... – Он прочитал несколько строчек про себя, сопровождая чтение ритмическим мычанием. – Дальше вот что... вот... окончательно установлено – смерть наступила в результате повреждений, причиненных ударом тупым тяжелым предметом по голове.

– Значит, удар был один? – спросила Паула.

– Мм... да, один, именно так. Один. Это они как-то устанавливают по брызгам крови. Я звонил Турбьёрну и задал тот же самый вопрос – говорит, они смотрят на брызги... Один удар – брызги летят вот так, два – вот эдак, а про три даже и подумать страшно. У них там свои примочки, но за-

⁴ Гудрун Шуман – шведская политическая деятельница, основательница и лидер партии «Феминистская инициатива». Раньше была председателем коммунистической партии.

ключение однозначное – сильный удар по голове тяжелым предметом. Один.

– Совпадает с протоколом вскрытия, – кивнул Мартин. – А что за предмет, не удалось установить? Педерсен считает, что это камень.

– Вот именно! – произнес Мельберг торжествующе и ткнул пальцем в бумагу. – Вот именно! Под столом лежал тяжелый каменный бюст, а на нем и кровь, и волосы, и мозговое вещество, и все, что хотите. И осколки камня, которые Педерсен нашел в ране, именно от этого бюста.

– То есть орудие убийства налицо... Что ж, это всегда кое-что, – меланхолично произнес Йоста.

– Надо найти Франца Рингхольма. Пусть расскажет, что это за угрозы.

– И пройтись по соседям – может быть, кто-то видел что-то необычное тогда, в июне, – добавила Паула.

Анника подняла глаза от своих записей.

– А уборщица? Надо поговорить и с уборщицей. Когда она последний раз там была? Говорила ли с Эриком? И почему все лето не убиралась?

– Разумно, – кивнул Мельберг. – Хватит расслаиваться! За работу!

Он подождал, пока последний из сотрудников покинет комнату, и потянулся за еще одной булочкой.

Делегировать полномочия. Главная черта хорошего руководителя – умение делегировать полномочия.

Насчет того, ходить или не ходить на уроки, у них царило полное согласие: если не лежит душа – не ходить. Душа лежала не часто.

Сегодня они собрались около десяти. В Танумсхеде не так уж много мест, куда можно пойти, поэтому они просто сидели, курили и болтали.

– Слышали про этого старого идиота в Фьельбаке? – Никке глубоко затянулся, захохотал и закашлялся. – Не иначе, твой дед с его друзьями руку приложили.

Ванесса фыркнула.

– Брось, – мрачно, но не без гордости сказал Пер. – Дед к этому никакого отношения не имеет. Станет он рисковать тюрьмой из-за какого-то старого пня! У «Друзей Швеции» другие цели.

– А ты с ним поговорил? Нам разрешат прийти на собрание? – Никке перестал смеяться.

– Пока нет... – неохотно ответил Пер.

У него был особый статус: он приходился внуком самому Францу Рингхольму. Как-то он в минуту слабости пообещал друзьям, что попробует провести их на собрание «Друзей Швеции» в Уддевалле, но не знал, как дед отреагирует на такую просьбу. Вернее, не то чтобы не знал. Он был почти уверен, что скажет дед. Вы слишком молоды, нужно еще не меньше двух лет, чтобы вы могли развиваться и реализовать свой, как дед любил выражаться, «потенциал». Пер не пони-

мал, что он имеет в виду. Развиться? Они понимали все ничуть не хуже старших. Чего тут не понять?

И это ему очень нравилось. Простота. Черное и белое, никаких серых нюансов, никаких лазеек, никаких уловок. Перу было совершенно чуждо стремление многих запутать ситуацию, заболтать... Он терпеть не мог все эти скользкие рассуждения: «С одной стороны... с другой стороны...» Все до крайности просто. Есть мы, и есть они. Вот и все. Мы и они. Они и мы. И если бы они держались на своем краю и занимались своим делом, никаких проблем бы и не было. Но «они» претендовали на «наше». Им не нравились границы, очевидные даже полному идиоту. Любому зрячему понятно: белый и желтый. Белый и коричневый. Белый и иссиня-черный, эти вообще из каких-то самых диких африканских джунглей. Но даже эту простую истину умудрились запутать, смешать в одну сплошную кашу.

Он посмотрел на приятелей. Интересно, а у них что за наследство? Мало ли с кем могла переспать какая-нибудь проститутка из их предков... Может, у них тоже нечистая кровь... Пер вздрогнул.

Никке смотрел на него вопросительно.

– Ты что, Пер? У тебя такой вид, словно ты лягушку проглотил.

– Да нет, ничего, – усмехнулся Пер. С чего это он начал всех подозревать?

Он погасил сигарету.

– Пошли выпьем кофе.

И, не оглядываясь, двинулся в сторону школы. Знал, что они последуют за ним.

Вспомнил убитого старика и пожал плечами. Какое это имеет значение?

* * *

Фьельбака, 1943 год

Они ели в полном молчании. Слышно было только позвякивание вилок и ножей о тарелки. Все пытались не коситься на пустой стул, но никому это особенно не удавалось.

– И опять ему скоро в дорогу. – Гертруд протянула Эрику миску с картошкой, и он положил еще одну картофелину на и без того полную тарелку.

Так было проще – если бы он отказался, мать стала бы настаивать и стояла бы на своем до тех пор, пока он не положит две. Он посмотрел на тарелку – съесть все это невозможно. Его не особенно интересовала еда, он ел только потому, что его вынуждали. И чтобы мать не говорила, ей-де стыдно, какой он худой. «Люди подумают, мы тебя не кормим!» – упрекала она Эрика.

У Аксея аппетит был превосходный. Эрик неохотно поднес вилку ко рту, опять посмотрел на пустой стул и начал механически жевать, чтобы избавиться от отвратительного

ощущения битком набитого рта. Картошка с соусом превратилась во влажную липкую кашу.

– Каждый делает свое дело. – Хуго Франкель строго посмотрел на жену.

Но и он тоже не мог оторвать глаз от пустого стула.

– Разве я против? Я просто говорю, что мог бы и отдохнуть пару дней.

– Это он решает сам. Никто не говорит ему, что он должен делать, а чего не должен. Аксель все решает сам. – В голосе Хуго звучала неподдельная гордость, и Эрик почувствовал укол зависти.

Так бывало почти всегда, когда родители заводили разговор об Акселе. Иногда Эрику казалось, что он вообще невидим, что его никто не замечает, что он просто тень. Тень высокого, светловолосого Акселя, который всегда был в центре внимания, даже если и не прилагал к тому особых усилий. Поскорее бы кончилась эта тягомотина с обедом. Тогда он улизнет в свою комнату почитать. Охотнее всего Эрик читал исторические книги. Что-то привлекало его в этих перечислениях фактов, местностей и дат. С самого детства. И интерес этот не исчезал, наоборот, становился все сильнее.

Аксель не особенно любил читать, но каким-то образом всегда получал самые высокие оценки. Эрик тоже учился хорошо, но ему приходилось для этого прилагать много усилий. И никто не хлопал его по плечу, не расцветал горделивой улыбкой, не хвастался успехами сына друзьям и знако-

мым. Никто не гордился Эриком.

И все равно он любил брата. Иногда ему хотелось возненавидеть Акселя, но ничего из этого не получалось. Он все равно его любил. Больше, чем кого-либо другого. В конце концов, Аксель старше, смелее. Им можно гордиться, а Эриком пока нет. Это факт, такой же неоспоримый, как и факты в книгах по истории. Битва при Гастингсе была в 1066 году, и никто не подвергал этот факт сомнению. Была – значит, была.

Эрик посмотрел на тарелку и с удивлением обнаружил, что она пуста.

– Папа, можно выйти из-за стола?

– Как, ты уже все съел? Вот так номер! Конечно иди. Мы с мамой посидим еще немного.

Поднимаясь по лестнице в свою комнату, он слышал обрывки разговора.

– Надеюсь, Аксель не слишком рискует...

– Гертруд, ты должна прекратить это сюсюканье с Акселем. Ему девятнадцать лет... и мы должны гордиться, что у нас такой сын...

Эрик закрыл за собой дверь. Бросился на постель и взял из стопки на тумбочке самую верхнюю книгу. Александр Великий. Тоже был не робкого десятка. Как и Аксель...

– Я хочу сказать, что ты мог бы и поставить меня в известность. Я чувствовала себя полной идиоткой. Она начинает мне рассказывать, что ты гуляешь с Карин...

– Да-да, знаю... – Патрик устало опустил голову.

Весь час, что Кристина просидела на кухне, был пропитан подтекстами, пронзительными взглядами и ядовитыми намеками. Не успела закрыться за свекровью дверь, Эрика взорвалась.

– Меня вовсе не волнует, что ты встречаешься со своей бывшей женой и с ней прогуливаешься. Я не ревнива, и ты это прекрасно знаешь. Но ты не сказал мне ни слова, вот что приводит меня в бешенство!

– Я понимаю...

– Он понимает! И это все? Никаких объяснений? А я-то думала, у нас нет друг от друга секретов! – Эрика знала, что приближается к опасной границе, но ничего с собой сделать не могла. Накопившееся раздражение требовало немедленного выхода, и ее несло все дальше. – Я-то думала, мы договорились! Ты смотришь за ребенком, я работаю. Ничего подобного! Мне все время мешают! Ты каждую минуту врываешься в мой кабинет, для тебя это проходная комната, потом ты исчезаешь на два часа, и я, вопреки договору, опять вожусь с Майей! Как же я обходилась весь год без твоей помо-

щи? Или ты думаешь, что у меня была служанка? И я могла уйти из дома, как ты, когда мне вздумается? Мне-то неко-го было спросить, где малышкины варезки! – Эрика вдруг, словно со стороны, услышала свой срывающийся на визг го-лос и осеклась.

– Ладно... – произнесла она на три тона ниже. – Я пойду пройдуся.

– Иди. – Патрик напомнил ей черепаху, которая осторож-но высовывает голову из панциря, чтобы посмотреть, нет ли опасности. – Прости, что не успел тебе сказать сразу...

– Черт с ним... Только больше так не делай, ладно? – Эри-ка слабо улыбнулась.

Буря миновала, она уже упрекала себя за глупую вспыш-ку. Сейчас ей нужен был свежий воздух – свежий воздух, и больше ничего.

Она быстро шла по улицам. Туристы разъехались, и Фьельбака выглядела на редкость пустынной, лишь кое-где заметны были следы летней суеты. Городок напоминал го-стиную после праздника: недопитые стаканы, серпантин в углу, в кресле уснул перебравший гость в шутовском колпач-ке. Собственно, Эрика предпочитала этот сезон – лето было для нее слишком утомительным. А сейчас – тишина и покой. Пустынная площадь Ингмара Бергмана... Мария и Матс че-рез несколько дней закроют свой киоск и уедут торговать в Селен, они так делают каждый год. И это тоже нравилось ей в городке: предсказуемость. Все шло заведенным порядком,

из года в год...

Обмениваясь кивками со знакомыми, Эрика поднялась по Галербакен. Она знала во Фьельбаке всех или почти всех, но сейчас у нее не было желания разговаривать – она приветливо поднимала руку и ускоряла шаг. Миновав заправку и быстро шагая по Дингельвеген, она уже знала, куда направляется. Только сейчас Эрика поняла, что подсознательно это и было целью ее прогулки с самого начала.

– Три случая избиений, два ограбления банковских контор, еще какие-то мелочи... Но никаких обвинений в подогревании расовой вражды. – Паула выбралась из машины и захлопнула за собой дверцу. – Помимо Франца я накопила еще кое-что на парня по имени Пер Рингхольм, но это ерунда. Пока.

– Это его внук. – Мартин запер машину.

Они подъехали к дому в Греббестаде⁵ недалеко от «Йестиса», где была квартира Франца Рингхольма.

– Погляди-ка, – Мартин кивнул в сторону отеля, – здесь когда-то можно было подрыгать ногами вечеров-другой.

– Могу себе представить... Но теперь, судя по всему, они с танцами завязали.

– Можно и так сказать. Я не танцевал... дай вспомнить... уже больше года.

Нельзя сказать, чтобы эта фраза прозвучала элегически.

⁵ Греббестад – район Гётеборга, «Йестис» – отель, где раньше был ночной клуб.

Секрет состоял в том, что Мартин был так влюблен в свою Пию, что охотнее всего вообще никуда бы не выходил из дома. Но, чтобы найти свою принцессу-лягушку, ему пришлось перецеловать немало самых обычных лягушек. Целуешь – а она все равно лягушка, ни в кого не превращается и никакого отношения к принцессам не имеет.

– А ты? – с любопытством спросил он Паулу.

– Что – я? – Она притворилась, будто не поняла вопроса.

Мартин решительно постучал в дверь, и тут же они услышали звук шагов.

Дверь открыл очень коротко стриженный худощавый седой мужчина в джинсах и клетчатой рубашке того типа, что носит Ян Гийу⁶, желая, по-видимому, продемонстрировать истинно мужское равнодушие к модным веяниям.

– Франц Рингхольм? – Мартин разглядывал хозяина с нескрываемым любопытством.

Он уже порыскал по Интернету и обнаружил, что Франц – личность известная, и не только в Гётеборге. Он, как следовало из найденных сайтов, был основателем одной из самых быстрорастущих антиэмигрантских организаций Швеции, которая, если верить болтовне на разного рода форумах, уже представляла собой серьезный политический фактор.

– Да, это я... Что господам угодно? – Он перевел взгляд с Мартина на Паулу.

⁶ Ян Гийу – известный шведский писатель, автор политических триллеров.

– У нас есть к вам несколько вопросов. Разрешите войти?

Франц отошел в сторону, пропуская их в квартиру. Мартин с удивлением осмотрелся. Он точно не мог бы сформулировать, что именно ожидал увидеть, но не такой образцовый, почти вызывающий порядок. По сравнению с этой квартирой его собственная выглядела как притон наркоманов.

– Присаживайтесь, прошу вас. – Хозяин показал на диван и два кресла справа в гостиной. – Я, представьте, только что поставил свежий кофе. Молоко? Сахар?

Безукоризненная, вежливая, даже изысканная речь. Мартин и Паула удивленно переглянулись.

– Ни то ни другое, спасибо.

– Немного молока, без сахара, благодарю вас. – Паула первой прошла в гостиную.

Они сели рядом на белый диван и осмотрелись. Комната просторная и светлая. Большие окна с видом на море. Нет, он был не прав: порядок тут не вызывающий, не излишне педантичный, а совершенно естественный. Уютное, ухоженное жилье.

– А вот и кофе. – Франц появился в гостиной с подносом, на котором стояли три дымящиеся чашки и большое блюдо с печеньем. – Прощу. – Он взял одну из чашек и опустился в глубокое кресло. – Чем могу служить?

Паула отхлебнула глоток превосходного кофе.

– Вы, конечно, знаете, что под Фьельбакой произошло убийство.

– Да, Эрик... – с горечью сказал Франц Рингхольм и тоже отпил немного кофе. – Я был совершенно сражен этой новостью. И подумайте только, какой удар для Акселя!

– Да, но... да. – Мартин был совершенно обескуражен доброжелательством и вежливой искренностью хозяина – прямая противоположность картине, которую он заранее вообразил. – Собственно говоря... мы приехали потому, что у Эрика Франкеля нашли несколько ваших писем.

– Вот как, – Рингхольм улыбнулся и потянулся за печеньем, – значит, он их сохранил... Да, Эрик был типичный коллекционер. Вы, молодежь, наверняка считаете, что это пыльное занятие – писать письма – осталось в прошлом веке. А нам, старым филинам, трудно оставить свои привычки... – Он приветливо подмигнул Пауле.

Она уже готова была улыбнуться в ответ, но вспомнила, что человек, сидящий в кресле напротив, всю свою жизнь посвятил беспощадной борьбе с такими, как она.

– В письмах неоднократно упоминается про какую-то угрозу. – Ей удалось сохранить непроницаемое выражение лица.

– Позвольте выразиться так: я бы не стал называть это угрозой. – Франц откинулся в кресле и непринужденно, с молодой грацией, закинул ногу на ногу. – Я просто считал своей обязанностью предупредить Эрика, что в организации есть определенные круги... определенные силы, чьи действия иногда выходят за пределы разумного.

– И вы решили, что ваш долг предупредить Эрика, потому что...

– Мы с Эриком дружили с младенческих лет. Разумеется, нельзя отрицать, что мы постепенно отдалились друг от друга, и много лет... да, уже много лет наши отношения утратили всякую регулярность. Мы выбрали разные дороги. – Франц снова улыбнулся. – Но я никогда не желал ему зла, и... да, когда мне представилась возможность его предупредить, я этой возможностью воспользовался. Кое-кому трудно понять, что не нужно по любому поводу лезть на рожон...

– Но, насколько я понимаю, вы сами не всегда следовали этому правилу, – сказал Мартин. – Трижды осуждены за драку, дважды за ограбления... и в тюрьме своим поведением мало напоминали далай-ламу.

Рингхольма вовсе не задел ехидный комментарий Мартина – наоборот, он весело и добродушно улыбнулся, чем и вправду напомнил далай-ламу.

– Каждому овощу свое время. К тому же в тюрьме свои правила и свой язык, если кто-то обычного языка не понимает. Мудрость, знаете, приходит не сразу, она приходит с возрастом, а я свой урок выучил крепко.

– Ваш внук тоже выучил этот урок? – спросил Мартин и хотел взять с блюда печенье, но Франц Рингхольм молниеносным движением перехватил его руку и сдвинул, словно клещами.

– А вот мой внук вообще никакого отношения к этому

делу не имеет, – прошипел он. – Ясно?

Мартин смотрел на него, не отводя глаз, потом вырвал руку и потер запястье.

– Если это повторится, – тихо сказал он, – я буду говорить с вами по-другому.

Рингхольм засмеялся и опять устроился в кресле поудобнее, возвращаясь в образ такого доброго дядюшки. Но на какую-то секунду занавес приоткрылся. За фасадом рафинированного джентльмена скрывалась ненависть. Другой вопрос – стал ли Эрик Франкель жертвой этой ненависти?

Эрнст тянул поводок так, что Мельбергу приходилось прилагать немалые усилия, чтобы его удержать. Пес, очевидно, никак не мог взять в толк, почему его хозяин проявляет такое упрямство и продолжает идти черепашным шагом.

Мельберг уже собирался сдаться и тащить Эрнста домой, но тут его терпение было вознаграждено. Он услышал за спиной шаги и обернулся. Эрнст запрыгал от радости.

– Вы, значит, тоже гуляете. – Голос Риты был таким же веселым, как и тогда.

Рот Мельберга непроизвольно растянулся в улыбке.

– Да-да... тоже, значит, гуляем... – Ничего, кроме этой глупой фразы, он не сумел придумать – он, Мельберг, который всегда славился своим красноречием в обществе дам! Он приказал себе собраться и продолжил: – Да, знаете, я тоже начинаю понимать, как полезны прогулки для этих созда-

ний. Мы теперь гуляем не меньше часа каждый день.

Рита приснула и похлопала себя по круглому животику.

– Прогулки полезны для всех, в том числе и нам с вами.

Мельбергу очень понравился ее ответ, и он тоже фамильярно похлопал себя по объемистому животу.

– Согласен. Но при этом, знаете, не стоит перебарщивать. Терять солидность.

– Ни в малейшей степени! – засмеялась Рита. Мельбергу это старомодное выражение в сочетании с ее акцентом показалось очаровательным. – Поэтому я всегда пользуюсь случаем пополнить запасы.

Они остановились у многоквартирного дома. Сеньорита уверенно направилась к своему подъезду.

– Может быть, зайдете и выпьете чашку кофе с пирожным?

Мельберг с трудом заставил себя сделать вид, что размышляет над ее предложением. Потом кивнул, как ему показалось, сдержанно и с достоинством.

– Спасибо, очень заманчиво... Мне, конечно, нельзя надолго отлучаться с работы, но...

– Вот и прекрасно. – Она набрала код и открыла дверь.

Эрнст не обладал даже сотой долей самообладания своего хозяина и откликнулся на приглашение радостным лаем – подумать только, он идет в гости к Сеньорите!

Первым же словом, пришедшим Мельбергу в голову, когда они оказались в квартире, было слово «уют». Здесь не

было того минималистского холодка, к которому шведы испытывают малопонятную слабость, – все оказалось ярким и веселым. Он отцепил поводок, и Эрнст получил милостивое разрешение обнюхать многочисленные игрушки Сеньориты. Сняв куртку и ботинки, Мельберг аккуратно поставил их на подставку в прихожей и прошел в кухню.

– Им, похоже, хорошо вместе, – сказала Рита.

– Кому – им? – глупо спросил Мельберг.

Он не мог отвлечься от созерцания пышного зада колдующей у плиты хозяйки.

– Сеньорите и Эрнсту, кому же еще! – Рита опять засмеялась.

Мельберг тоже засмеялся.

– Да-да, понятное дело, они друг другу понравились.

Он бросил взгляд в гостиную – его предположение оправдалось даже в большей степени, чем он рассчитывал: Эрнст с задумчивым видом уже сунул нос под гостеприимно задранный хвост новой приятельницы.

– Вы любите булочки?

– Спит ли Долли Партон на спине?⁷

Очевидно, эта формула была Рите незнакома. Она с удивлением уставилась на Мельберга.

– Спит ли она на спине? Я не знаю... Хотя наверняка – с

⁷ «Спит ли Долли Партон на спине» – идиома, обозначающая само собой разумеющийся факт, что-то вроде «Впадает ли Волга в Каспийское море». Долли Партон – известная американская актриса и певица в стиле кантри.

такой-то грудью...

Мельберг смущенно рассмеялся.

– Да нет, это просто выражение такое. Я хотел сказать... да, насчет булочек... Очень даже люблю.

Он с удивлением увидел, что она ставит на стол три прибора. Загадка, впрочем, разрешилась быстро. Рита постучала в еще одну закрытую дверь и крикнула:

– Юханна! Кофе!

– Иду!

Дверь открылась, и в кухне появилась молодая хорошенькая блондинка с огромным животом.

– Это моя невестка, Юханна... А это Бертиль. Хозяин Эрнста. Я его нашла в лесу. – Рита опять прыснула. Ее смешливость очень привлекала Мельберга.

Он протянул руку для пожатия и тут же сморщился от боли. Ему приходилось пожимать руки самым разным типам, но такого железного рукопожатия он никогда не встречал.

– Ничего себе захватик! – чуть не пискнул он и облегчением почувствовал, что рука его вновь обрела свободу.

Юханна весело на него посмотрела и с трудом протиснулась за стол. Немного повертелась, выбирая такую позицию, чтобы можно было дотянуться и до блюда с булочками, и до кофейника, и начала с завидным аппетитом уплетать булку.

– И когда вы ждете? – вежливо спросил Мельберг.

– Через три недели, – коротко ответила она, проглотила остатки булки и потянулась за следующей.

– Правильно, вам надо есть за двоих, – пошутил он, но Юханна наградила его таким взглядом, что он немедленно осекся.

– Мой первый внук! – гордо сказала Рита и погладила Юханну по животу. Та просияла и положила ладонь поверх руки свекрови.

– А у вас внуки есть? – спросила Рита, подливая себе кофе.

– Пока нет... Сын есть. Семнадцать лет. Его зовут Симон.

О том, что у него есть взрослый сын, Мельберг узнал совсем недавно, и новость эта поначалу его не слишком обрадовала. Но постепенно они привыкли друг к другу, и сейчас мысли о Симоне доставляли ему только радость. Хороший мальчик.

– Семнадцать лет... Тогда, конечно, спешить некуда. Я только вот что скажу: внуки – это вроде десерта в жизни. – Рита опять погладила живот Юханны.

Мельберг не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал себя так спокойно и уютно. В минувшие годы ему пришлось немало пережить. Иной раз он давал себе слово никогда больше не связываться с женщинами. А сейчас – пожалуйста: сидит на кухне у полужнакомой дамы и млеет от счастья.

– И что скажете? – Рита смотрела на него испытующе, и только тут он сообразил, что прослушал какой-то заданный ему вопрос.

– Простите?

– Я спросила – вы придете вечером на мои курсы сальсы? Для начинающих, ничего сложного. В восемь.

Мельберг недоверчиво уставился на нее. Сальса? В его возрасте? Сама мысль показалась ему совершенно идиотской, но он заглянул поглубже в темные глаза Риты и, к своему ужасу, услышал свой собственный голос:

– Сальса? В восемь? Конечно приду.

Эрике все меньше и меньше нравилась ее затея. Она замедлила шаг, а прежде чем свернуть на гравиевую дорожку к дому Акселя и Эрика, вообще остановилась и задумалась. Потом, скорее по привычке доводить начатое дело до конца, все же подошла к двери и постучала.

Молчание. Она даже почувствовала некоторое облегчение. Что ж, не вышло – значит, не вышло, но как раз в то мгновение, когда она уже хотела повернуться и уйти, за дверью послышались шаги. У нее забилося сердце.

– Слушаю вас?

Вид у Акселя Франкеля был усталый, даже измученный.

– Добрый день, меня зовут Эрика Фальк, я... – Она запнулась. Надо было подготовить хотя бы вступительную фразу.

– Дочка Эльси? – Аксель разглядывал ее со странным выражением. Усталость на его лице сменилась интересом. – Да... теперь я вижу. Вы очень похожи на мать.

– Разве?

– Да... очень. Глаза и рот... – Он даже слегка наклонил голову набок, всматриваясь в ее лицо. – Проходите. – Он отошел в сторону, пропуская ее в прихожую.

Она перешагнула порог и остановилась.

– Проходите, проходите, мы посидим на веранде.

Эрика быстро повесила пальто и прошла за ним на красивую застекленную веранду, чем-то похожую на веранду в их с Патриком доме.

– Присаживайтесь... – Очевидно, у хозяина не было намерения предложить ей кофе.

Она помолчала и откашлялась.

– Собственно говоря, я... – Голос почему-то плохо ее слушался. Она взяла разбег еще раз. – Собственно говоря, я зашла потому, что недавно оставила у Эрика медаль... Очень сочувствую вашему горю, – спохватилась она, – я...

Эрика даже заерзала в кресле – настолько нелепой показалась ей вся ситуация.

Аксель поднял ладонь и слегка улыбнулся – должно быть, хотел ее успокоить.

– Вы сказали что-то насчет медали.

– Да... – Эрика мысленно поблагодарила его за помощь. – Весной я разбирала вещи матери и наткнулась на медаль... нацистскую медаль. Мне стало любопытно, откуда она взялась... и почему мать ее хранила. И, поскольку я знала, что ваш брат...

– Смог он вам помочь?

– Не знаю... Мы говорили по телефону... потом я отнесла ему медаль и думала, он позвонит мне, если что-то выяснится... а мы были очень заняты, и вот... – Она замолчала.

– И вы хотели спросить, сохранилась ли ваша медаль?
Она кивнула.

– Простите, ради бога... я понимаю, что в такое время... а я беспокоюсь о какой-то медали. Но у меня так мало осталось после матери... – Эрика снова замолчала.

Надо было просто позвонить. Только теперь она осознала, насколько бестактным и бесчувственным был ее приход.

– Я понимаю, – сказал Аксель. – Очень хорошо вас понимаю. Поверьте, я, как никто, знаю, насколько важна для людей связь с прошлым. Даже если это какие-то неодушевленные предметы... И Эрик бы вас понял. Все эти вещи, которые он собирал годами... Вещи и факты – он не считал их неодушевленными. Вещи и факты рассказывают нам историю... Он, может быть, надеялся, что они смогут нас чему-нибудь научить.

Он отвернулся и долго смотрел в окно – казалось, на какой-то момент забыл о существовании гостыи. Потом взглянул на нее внимательно.

– Я обязательно постараюсь найти эту вещь... Но расскажите немного о вашей матери. Какой она была? Что за жизнь прожила?

Эрике вопрос показался странным, но просьба прозвучала так искренно и у него были такие грустные глаза, что она

решила сказать все как есть.

– Какой была моя мать... Если честно – не знаю. Мы с сестрой – поздние дети, и хорошего контакта с матерью у нас так и не получилось. Вы спрашиваете, какую жизнь она прожила... – Эрика остановилась, не зная, правильно ли поняла вопрос. – Мне кажется, ей было нелегко... я имею в виду – жить. Мне она казалась очень собранной... и очень несчастной.

Эрика лихорадочно подбирала слова, не зная, как выразить свои ощущения. Пожалуй, это верное слово – в Эльси не ощущалось никакой радости жизни. Видела ли она когда-нибудь мать веселой? Эрика не могла вспомнить ни единого случая.

– Это больно слышать. – Аксель опять поглядел в окно, словно не решаясь смотреть ей в глаза.

– А какой она была, когда вы ее знали?

– Собственно говоря, Эрик знал ее лучше. – Взгляд Акселя потеплел. – Они были однолетки. Их было водой не разлить – Эрик, Эльси, Франц и Бритта. Настоящий квартет. – Он невесело рассмеялся.

– Да... Она пишет об этом в дневнике. Вашего брата я видела, а кто такие Франц и Бритта?

– В дневнике? – Ей показалось, что Аксель вздрогнул, а может быть... Нет, скорее всего, показалось. – Франц Рингхольм и Бритта... – он щелкнул пальцами, – не могу вспомнить фамилию.

Старик помолчал немного, роясь в памяти, но попытка так и осталась безрезультатной.

– Мне кажется, она так и живет здесь, во Фьельбаке. У нее дочери, две или три, но они намного старше вас. Так и вертится на языке, а вспомнить не могу. Впрочем, она наверняка сменила фамилию, когда вышла замуж... Вспомнил! Юханссон! Ее фамилия была Юханссон, и вышла замуж она за однофамильца, тоже за Юханссона, так что ничего не изменилось.

– Тогда ее нетрудно будет найти. Но вы так и не ответили на мой вопрос – какой была мать тогда?

Аксель задумался.

– Она была спокойной, задумчивой, но не мрачной. Не такой, как вы ее описываете. В ней была, как бы сказать по-лучше... тихая радость. Она словно светилась изнутри. Не как Бритта.

– А Бритта?

– Она мне никогда особенно не нравилась. Я не понимал, что в ней нашел брат, почему он общается с такой... пустышкой. – Аксель покачал головой. – Ваша мать была из другого теста. А Бритта... очень поверхностная, я бы даже сказал, самовлюбленная... И потом, она бегала за Францем так, что это переходило все границы приличия. Тогда девушки так себя не вели. Другое время было, знаете ли... – Он слабо улыбнулся.

Эрика так и не поняла, считает он то, другое время лучше

или хуже нынешнего.

– А Франц? – спросила Эрика и так и осталась сидеть с полуоткрытым ртом.

Чем больше рассказывал Аксель, тем лучше она понимала, как мало знает о своей матери.

– И Франц... Я не особенно одобрял дружбу брата с Францем. В нем была какая-то злость, даже ненависть. Нет, это не тот человек, с кем мне хотелось бы дружить. Ни тогда, ни сейчас.

– А сейчас что он делает?

– Живет в Греббестаде. Если выразить в двух словах, мы выбрали разные дороги. – Аксель произнес эту формулу сухо, если не сказать презрительно.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что я посвятил жизнь борьбе с нацизмом, а Франц хочет повторить историю, на этот раз на шведской земле.

– Но откуда тогда взялась эта медаль? – Эрика даже наклонилась к Акселю, но на лицо старика словно упал занавес – оно сделалось строгим и непроницаемым.

– Медаль... Сейчас пойдем и попробуем ее найти.

Он встал и, не оборачиваясь, двинулся к выходу. Эрика в растерянности последовала за ним. Что она такого сказала, от чего он вдруг замкнулся?

В холле Аксель остановился у двери, которую Эрика раньше не заметила, и взялся за ручку.

– Наверное, лучше будет, если я пойду один, – сказал он дрогнувшим голосом.

Эрика поняла, куда ведет эта дверь. В библиотеку, где убили его брата.

– Может быть, в другой раз? – Ей опять стало неудобно, что она пристает к человеку в тяжелый для него момент жизни.

– Нет, лучше сразу, – жестко сказал Аксель, но тут же повторил более приветливо: – Лучше сразу. Сейчас вернусь.

Он исчез в библиотеке, тщательно прикрыв за собой дверь. Эрика осталась в холле, прислушиваясь к скрипу выдвигаемых ящиков. Хозяин вернулся буквально через две минуты.

– Вот. – С тем же непроницаемым выражением лица он протянул ей медаль.

– Спасибо, я... – Эрика запнулась. – Спасибо большое.

Сжимая в кармане медаль, она шла по той же гравийной дорожке и чувствовала, что Аксель смотрит ей вслед. На секунду у нее возникло желание вернуться и попросить извинения за свою бестактность, но именно в это мгновение раздался звук захлопнувшейся двери. Она повернулась – на крыльце никого не было.

Фьельбака, 1943 год

– Это трудно себе представить! Как Пер Альбин Ханссон может быть таким трусом! – Вильгот Рингхольм треснул кулаком по столу так, что рюмка с коньяком задрожала.

Его раздражала медлительность жены. Вечно так с бабами – пока сам не сделаешь, не дождешься.

– Бодиль! – крикнул он, но ответа, к своему удивлению, не получил. Он вкрутил окуроч в пепельницу и заорал изо всех сил: – Бодиль!!!

– Сбежала твоя половина? – хохотнул Эгон Рудгрэн.

Яльмар Бенгтссон тоже засмеялся. Эта дура превращает его в посмешище! Надо что-то делать. Он уже собрался встать и навести порядок, как на пороге появилась его жена с нагруженным подносом.

– Извини, что задержалась, – сказала она, потупив глаза, и поставила поднос на стол. – Франц, ты не мог бы...

– Нет! – рявкнул отец. – Не мог! Он уже взрослый парень, нечего ему заниматься бабьими делами. Пусть побудет с нами и послушает, может, ума немного поднаберется! – Он подмигнул сидевшему напротив сыну.

Тот невольно выпрямился. Ему в первый раз позволили присутствовать на деловом обеде отца. Обычно после десер-

та следовало поблагодарить и выйти из-за стола. Но сегодня отец настоял, чтобы он остался. Его распирала гордость. Прекрасный вечер становился все лучше.

– Ну что, несколько капель коньяку? Что скажете, ребята? Пацану на той неделе стукнуло тринадцать, так что самое время попробовать коньячку.

– Самое время! – ухмыльнулся Яльмар. – Давно уже самое время. Мои сорванцы причащаются с одиннадцати, и, я бы сказал, только на пользу.

– Вильгот... ты и в самом деле считаешь, что... – Глаза жены расширились от ужаса.

Муж демонстративно налил большую рюмку коньяка и протянул Францу. Тот глотнул и закашлялся.

– Не торопись, паренек, коньяк надо смаковать, а не глотать, как лошадь.

– Вильгот...

– А ты что здесь делаешь? – Его глаза потемнели. – У тебя что, на кухне работы нет?

Она хотела что-то сказать, но молча посмотрела на сына. Тот победно поднял рюмку.

– За твое здоровье, мать!

Провожаемая хохотом, она вышла на кухню и закрыла за собой дверь.

– О чем мы говорили? Да, этот Пер Альбин – о чем он думает? Ясно как божий день – мы должны поддержать немцев. Эгон и Яльмар согласно кивнули.

– Грустно это, – проникновенно сказал Яльмар. – Даже в эти тяжелые времена Швеция не может выпрямить спину и следовать шведским идеалам. Мне стыдно иногда, что я швед.

Все покачали головами и отхлебнули коньяку.

– О чем я думаю? – спохватился Вильгот. – Мы же не можем лакать коньяк под селедку! Франц, сбегай принеси холодного пива.

Через пять минут порядок был восстановлен. «Туборг» из погреба прекрасно гармонировал с бутербродами с селедкой. Франц улыбнулся от уха до уха, когда отец откупорил бутылку и протянул ему.

– Я уже внес кое-какие деньги и вам рекомендую. Как не поддержать правое дело? Гитлеру сейчас нужны хорошие люди.

– Да, дела вроде идут неплохо! – Яльмар отсалютовал бутылкой. – Мы работаем на пределе – спрос на руду как никогда. Можете говорить о войне что хотите, но как деловой проект она вне конкуренции.

– А если мы еще заодно избавимся от жидовской нечисти, лучшего и желать нельзя. – Эгон взял еще один бутерброд. Поднос пустел на глазах. Он откусил большой кусок и повернулся к Францу. – Ты должен гордиться своим отцом, парень, – сказал Эгон, продолжая жевать. – Таких, как он, не много осталось в Швеции.

Все посмотрели на Франца.

– Еще бы, – сказал он, смущаясь.

– Слушай, что отец говорит, он знает жизнь. Ты небось понимаешь – у тех, кто поливает грязью немцев, у самих нечистая кровь в жилах. Цыгане, валлоны... полно всяких. Ничего удивительного, что они ставят все с ног на голову. Но твой-то отец – человек бывалый, он знает, как мир устроен. Мы же видим, как жида и прочие пришлые хотят все забрать в свои руки, чтобы о настоящей, чистой Швеции и памяти не осталось. Нет уж, Гитлер на верном пути! – Эгон так разгорячился, что начал брызгать слюной.

– Хорошо, господа, поговорим о делах. – Вильгот со стуком поставил бутылку на стол.

Франц слушал еще минут двадцать, потом неверной походкой поплелся в спальню и лег, не раздеваясь. Комната закружилась перед глазами. До него доносились звуки мужских голосов в гостиной. И он заснул в счастливом неведении – откуда ему было знать, каково будет наутро.

* * *

Йоста глубоко вздохнул. Наступала осень, а это означало, что гольф постепенно сходил на нет. Хотя еще довольно тепло, можно рассчитывать недели на три, в лучшем случае – на месяц. Но он знал, как это бывает осенью. Дождь – три-четыре дня долой. Гроза – пара дней пропала. И холод – то еще ничего, а то пробирает до костей. Один из недостатков Шве-

ции. Впрочем, достоинств, которые возмещали бы эти недостатки, он тоже особо не замечал. Разве что сюрстрёминг⁸... Да и то – ничто не мешает взять с собой две-три банки и уехать хоть в Испанию. От каждой страны надо брать лучшее.

В отделе, слава богу, было все тихо. Мельберг ушел выгуливать свою дворнягу, Мартин и Паула уехали в Гётеборг допрашивать Франца Рингхольма. Рингхольм... Йоста давно пытался вспомнить, где он слышал эту фамилию, а сейчас вспомнил. Журналист из «Бухусленца». Он потянулся за газетой на столе и на второй же странице увидел статью, подписанную именем Челль Рингхольм. Языкастый черт... как его только терпят местные политики и власти. Конечно, совпадение может быть и случайным, но фамилия не такая уж частая. Может, сын того Франца Рингхольма? Йоста на всякий случай заложил эти сведения в память – могут пригодиться.

Но сейчас он должен заняться другим. Йоста опять вздохнул. С годами он довел свои вздохи до степени высокого искусства. Может быть, дожидаться Мартина? В таком случае Мартин часть работы возьмет на себя... и вообще, у него появляется свободный час, а может, и два, если Мартин с Паулой решат сначала поесть.

Какого черта, выругался Йоста про себя, и ему стало неловко. Нет, надо покончить с этим делом. Он надел курт-

⁸ Сюрстрёминг – особым образом засоленная салака с сильным «душком».

ку, сказал Аннике, где его искать в случае чего, спустился в гараж, взял машину и поехал в Фьельбаку.

Позвонил в дверь и обругал себя за глупость. Ребята же наверняка в школе, а родители на работе. Йоста повернулся и хотел уже уйти, как дверь открылась и появился Адам с красным носом и слезящимися глазами.

– Заболел?

Мальчик кивнул, в подтверждение звучно чихнул и вытер нос платком.

– Подстудился, – сказал он голосом, не оставляющим сомнений насчет состояния его носоглотки.

– Можно войти?

– Подалуста, если дискнете. – Он отступил немного и снова чихнул.

Йоста почувствовал на своей руке брызги кишащей вирусами слюны, но не очень огорчился. Пара дней на бюллетене не помешают. Насморк вполне можно пережить, если лежать на диване со стаканом горячего чая с медом и наслаждаться записью последнего турнира «Мастерс»⁹. Можно посмотреть свинг Тайгера¹⁰ в рапиде.

– Бабы бет боба, – сообщил Адам.

Йоста посмотрел на него с недоумением, но быстро сообщил – мамы нет дома.

⁹ Турнир «Мастерс» – международный турнир по гольфу, входящий в т. н. «Большой шлем».

¹⁰ Тайгер Вудс – известный американский игрок в гольф.

В голове мелькнул параграф: несовершеннолетних разрешается допрашивать только в присутствии родителей или опекунов. Мелькнул и тут же исчез. Кто придумал эти параграфы? Они только затрудняют работу. Эрнст несомненно бы его поддержал. Полицейский Эрнст, уточнил он свою мысль, а не пес Эрнст. Йоста фыркнул.

Адам посмотрел на него как на сумасшедшего.

Они присели за кухонный стол со следами завтрака – крошки, кусочек масла, пролитый «O'boy».

– Значит, так. – Йоста побарабанил пальцами по столу и тут же понял, что этого делать не следовало – пальцы мгновенно стали липкими.

Он вытер их о брюки и начал заново:

– Значит, так. Как ты все это пережил?

Вопрос прозвучал странно даже для него. Он не особенно умел разговаривать с подростками или так называемыми личностями с психической травмой. К тому же не воспринимал всю эту белиберду всерьез – подумаешь, старик же был давно мертв, когда они его нашли, так что ничего особо опасного для психики. Он немало навидался трупов за свою жизнь, и ничего. Никакой психической травмы.

Адам хлопнул носом.

– Да ничего... Ребята вообще считают, что это круто.

– Давай начнем сначала. Как вы вообще туда попали?

– Маттиас придумал. – Адам, собственно, произнес «Бад-диас», но Йоста уже настроился на синхронный перевод. –

Все знают, что старики свихнулись на Второй мировой войне. Один парень рассказывал – говорит, чего у них только нет. А Маттиас говорит – давай заглянем. – Он чихнул с такой страстью, что Йоста чуть не подпрыгнул на стуле.

– Значит, взлом – это идея Маттиаса?

– Да какой взлом! – Адам завертелся на стуле. – Мы же не собирались ничего красть, просто посмотреть. И мы думали, они уехали. Старики то есть. Они бы даже не заметили, что мы там были...

– А до этого вы ни разу не... проникали в их дом?

– Нет! Честное слово, нет... – Во взгляде Адама явственно читался испуг. – Что вы! Первый раз...

– Я должен взять у тебя отпечатки пальцев. Чтобы подтвердить твои слова и чтобы исключить из списка подозреваемых. Как ты к этому относишься?

– Правда? – Глаза Адама загорелись. – Я же смотрю «CSI», так что понимаю, как это важно. Чтобы исключить невиновных... А потом пробиваете отпечатки на компе, да? И смотрите, кто еще побывал в комнате?

– Именно так. Так мы и работаем. – Йоста с трудом удержался, чтобы не засмеяться.

Как же, пробиваем отпечатки на компе. С утра до вечера сидим и пробиваем, пробиваем... Привет вашей бабушке.

Он достал из портфеля подушечку и карту с десятью полями, выложил на стол и аккуратно снял отпечатки всех десяти пальцев Адама, один за другим.

– Вот так, – произнес он с удовлетворением.

– А потом сканируете, да? Или как?

– Сканируем, – важно подтвердил Йоста. – И сравниваем с базой данных, о которой ты говорил. У нас есть база данных на всех жителей Швеции старше восемнадцати лет. И на иностранцев тоже, хотя и не всех. Ну, ты знаешь. Интерпол и все такое. Мы подключены к Интерполу. Прямой ссылкой. И к ФБР тоже. И к ЦРУ.

– Круто! – Адам смотрел на Йосту с нескрываемым восхищением.

Всю обратную дорогу в Танумсхеде Йосту то и дело обу-ревал смех.

Он накрыл стол очень тщательно. Желтая скатерть – Бритта ее так любила. Белый сервиз с рельефным, белым же, рисунком. Подсвечники – им подарили их на свадьбу. Цветы в вазе... Бритта всегда ставила на стол цветы, независимо от сезона. Она постоянная заказчица в цветочном магазине... была, по крайней мере, постоянной заказчицей. Теперь туда заезжал Герман. Он старался, чтобы все было как всегда. Если все останется неизменным, страшная спираль ее болезни, может быть, и не прервется, но хотя бы замедлится.

Самое худшее было вначале, еще до того как ей поставили диагноз. Она всегда была образцом организованности, и они сначала не могли понять, в чем дело: почему она не может найти ключи от машины, почему называет дочь неправиль-

ным именем, почему вдруг забывает номер телефона подруги, которой звонила по нескольку раз в день. Усталость, стресс... как только они не пытались объяснить внезапную забывчивость, пока не поняли: это что-то серьезное.

Услышав диагноз, они долго сидели, не говоря ни слова. Потом Бритта всхлипнула. Один раз всхлипнула, и все. И сжала руку Германа что есть силы. Оба понимали, что их ждет. Они прожили вместе пятьдесят пять лет, но теперь все меняется. Болезнь, постепенно разрушающая ее мозг, отнимет все, что делало Бритту Бриттой: воспоминания, привычки, радости – все. Болезнь постепенно отнимет у Бритты Бритту. Как личность она перестанет существовать. Они внезапно оказались на краю бездны.

С того жуткого дня прошел год. Светлые моменты выпадали все реже и реже. Герман попытался сложить салфетки, как всегда складывала Бритта, – веером. Руки дрожали. Он столько раз видел, как она это делает, но так и не запомнил. На четвертой попытке им овладело отчаяние, и он изорвал салфетку на куски. Сел, вытер набежавшую слезу и попробовал взять себя в руки.

Пятьдесят пять лет. Пятьдесят пять хороших, счастливых лет. Конечно, всякое бывало, но без этого не обходится ни один брак. Но они всегда были вместе, он и Бритта, вместе развивались, вместе выросли – особенно когда появилась Анна-Грета. Он тогда просто лопался от гордости за жену. До родов Бритта была хорошенькой, но очень уж легковес-

ной, а иногда и назойливой. Но тут ее словно подменили. Став матерью, она будто обрела твердую почву под ногами. После этого она родила еще двух дочерей, и с каждым новым ребенком он любил жену все сильнее и сильнее.

Он вздрогнул – на плечо легла чья-то рука.

– Папа? Как дела? Я постучала, но ты не ответил.

Герман быстро вытер глаза и принужденно улыбнулся под обеспокоенным взглядом старшей дочери. Но ее не обманешь – она обвила его шею руками и прижалась щекой к щеке.

– Сегодня плохо, да?

Он кивнул, сморщился, удерживая закипающие слезы, и на какую-то секунду почувствовал себя маленьким ребенком. Они замечательно воспитали дочь – теплая, заботливая женщина, прекрасная бабушка их двоих правнуков. Иной раз он никак не мог заставить себя понять, как это может быть: эта пожилая, седеющая дама за пятьдесят – его родная дочь, которую он когда-то качал в колыбельке.

– Годы идут, девочка... – Он похлопал по ее лежащей на его груди руке.

– Да, папа... годы идут. – Она обняла его еще крепче и отпустила. – Давай посмотрим вместе, все ли в порядке со столом. Мама расстроится, если ты что-то напутал. – Она улыбнулась, но он не ответил на улыбку.

– Салфетки...

– Салфетки я сложу, а ты достань приборы. Судя по все-

му, веера у тебя не получают. – Она кивнула на обрывки салфетки в тарелке.

– Так тому и быть. – Теперь улыбнулся и он. Благодарной, печальной улыбкой.

– Когда они придут? – крикнул Патрик из спальни, где по приказу Эрики должен был сменить джинсы и футболку на что-нибудь более подходящее к моменту.

Возражения типа «Да это же всего-навсего твоя сестра со своим Даном!» на Эрику не подействовали. Раз мы приглашаем людей на ужин, сказала она, значит, приглашаем, и неважно, кого именно. Званный ужин есть званный ужин.

Эрика открыла духовку и посмотрела на запеченное свиное филе. Ее немного мучила совесть, что вчера она накричала на Патрика, и хотелось загладить свою вину, приготовив одно из его любимых блюд – свиное филе под соусом из портвейна и картофельное пюре с тертым имбирем. Помимо всего прочего, это блюдо имело еще и мемориальное значение – именно его она поставила на стол, когда в первый раз пригласила Патрика к себе домой.

И в первый же вечер они... Она засмеялась про себя и закрыла духовку. Как давно это было... хотя вроде бы и не так давно, всего несколько лет назад. Она по-настоящему любила и ценила Патрика... но странно, как будни и маленький ребенок убивают желание заниматься любовью пять раз подряд, как было той ночью после свиного филе... Сейчас ее

утомляла даже сама мысль о подобных постельных подвигах. Раз в неделю – и то достижение.

– Полчаса осталось! – крикнула Эрика и принялась готовить соус.

Сама она уже надела черные брюки и любимую лиловую блузку, купленную, еще когда они жили в Стокгольме и имели возможность заниматься выбором одежды. И на всякий случай, конечно, фартук.

Патрик появился на лестнице и одобрительно свистнул.

– И что видят мои усталые глаза? Откровение! Божественное создание, фея... но с легким оттенком изысканной кулинарности!

– Нет такого слова – кулинарность, – засмеялась Эрика.

– А теперь есть, – сказал Патрик и поцеловал ее в шею. Потом отступил на шаг и сделал пируэт. – Ну и как я? Гожусь? Или опять переодеваться?

– Ты все время хочешь представить дело так, будто я главная ведьма в доме, – с притворно сварливой интонацией проворчала она, но не выдержала и рассмеялась.

– Ты в доме не ведьма, а главное украшение! А если еще и накроешь на стол, я, может быть, наконец пойму, из каких соображений на тебе женился.

– Считай, что накрыто.

Через полчаса раздался звонок в дверь – гости явились ровно в семь, минута в минуту. С родителями пришли Эмма и Адриан, который тут же начал искать Майю. Маленькая

кузина пользовалась у детей безмерной популярностью.

– А это что за красавец? – спросила Анна. – Что ты сделала с Патриком? Да, вовремя ты подхватила такую кинозвезду.

Патрик обнял ее, они поцеловались.

– Рад тебя видеть, свояченица. Как у вас дела, голубки? Мы очень рады, что вы на минутку покинули спальню и выбрали время посетить наше неприхотливое жилище...

– Фу! – Анна покраснела и слегка стукнула Патрика кулаком по груди.

Но взгляд, которым она исподволь обменялась с Даном, свидетельствовал, что Патрик не слишком преувеличил. Вечер прошел замечательно. Эмма и Адриан непрерывно играли с Майей, пока той не пришло время спать. После этого они и сами задремали на диване. Главное блюдо получило всеобщее одобрение, вино из бутылок исчезало быстро, и Эрика тихо радовалась, что можно вот так просто посидеть с Анной и Даном и поболтать о всякой ерунде. Без всяких туч на горизонте. Без всякой мысли о прошлом. Только шутивая перепалка, полная взаимной любви и привязанности.

Внезапно в прихожей резко зазвонил мобильник.

– Это у меня, – сказал Дан. – Я только посмотрю, кто звонит.

Он сходил в прихожую за телефоном и вернулся, недоуменно глядя на дисплей – номер, очевидно, был ему не знаком.

– Дан слушает... Кто?... Простите, вас очень плохо слышно... Белинда! Где? Но я пил вино... посади ее в такси и пусть едет сюда! Я заплачу, когда она приедет. Проследи только, чтобы она села в машину.

Он продиктовал адрес, нажал кнопку отбоя и досадливо сморщился.

– Что случилось? – Анна посмотрела на него с беспокойством.

– Белинда... Была на какой-то вечеринке и напилась в стельку. Звонил ее приятель... Сейчас он пытается посадить ее в такси.

– Она же поехала в Мункедаль к Пернилле!

– Значит, не поехала. Ее приятель звонил из Греббестада.

Дан прошел в кухню, на ходу набирая номер Перниллы. Судя по всему, его бывшая супруга давно спала. Были слышны только обрывки разговора, но интонации у Дана были далеко не дружелюбными. Через пару минут он вернулся за стол. Вид у него был крайне огорченный.

– Белинда ей сказала, что переночует у подруги. И могу вас заверить, что подруга сказала дома, будто переночует у Белинды. А на самом деле они поперлись в Греббестад на вечеринку. О дьявол... я-то думал, она с ней более или менее управляется...

– Пернилла? – Анна погладила его по руке. – Это не так-то легко, дорогой мой. Думаю, ты тоже попался бы на этот крючок. Уловка старая как мир...

– Нет! Я бы не попался! – со злостью воскликнул Дан. – Я бы позвонил родителям подружки и спросил, все ли в порядке. Неужели ты считаешь, что я поверил бы семнадцатилетней девчонке?

– Успокойся, – сказала Анна повелительно. – Сейчас самое главное – заняться Белиндой, когда она придет. – Дан хотел что-то возразить, но она подняла руку. – И не смей ее ругать. По крайней мере, сегодня. Все разговоры переносятся на завтра, когда она протрезвеет. Договорились?

Она произнесла последнее слово с вопросительной интонацией, но ни у кого за столом не возникло сомнений, что вопросительный знак там и не ночевал. Никаких обсуждений не предполагалось. Дан молча кивнул.

Эрика поднялась со стула.

– Пойду постелю в гостевой.

– А я поищу какой-нибудь таз. Или ведро, – сказал Патрик, с ужасом представив подобную сцену с выросшей Майей.

Через несколько минут к дому подъехала машина. Дан и Анна поспешили к дверям. Пока Дан выковыривал с заднего сиденья Белинду, как большую тряпичную куклу, Анна расплатилась с таксистом.

– П-папа... – невнятно пробормотала Белинда, с трудом открыла глаза, обхватила отца за шею и уткнулась лицом ему в грудь.

От нее пахло рвотой, но Дан не обращал внимания. Он

вдруг ощутил внезапный прилив нежности – настолько маленькой и хрупкой показалась ему взрослая дочь. Когда в последний раз он носил ее на руках?

Ее начали сотрясать судороги. Он еле успел отвернуть ее голову в сторону, как Белинду вырвало красной жижей прямо на ковер в прихожей. Стало ясно – она перепила красного вина.

– Наплюй, потом уберем, заноси ее в дом, – тихо сказал Эрика. – И сразу в душ. Мы с Анной ее переоденем.

В ванной Белинда внезапно разрыдалась, да так горько, что у Эрики зашло сердце от жалости. Она растирала девочку полотенцем, а Анна гладила ее по голове.

– Все будет хорошо, – приговаривала Анна, – вот увидишь, все будет хорошо...

– Ким хотел прийти... я думала... а он Линде сказал... он ей сказал, что я уродина-а-а-а...

Новый приступ рыданий. Анна через голову Белинды посмотрела на Эрику. Ни одна из них не хотела бы поменяться с девушкой местами. Нет ничего страшнее, чем любовные катастрофы подростков. Когда-то они обе это пережили и очень хорошо понимали, как легко поддаться в таких случаях соблазну утопить горе в вине. Но теперь они уже знали, что горе не утопишь – оно обязательно всплывет. Завтра Белинде будет еще хуже, чем сейчас, – это они тоже знали из собственного, недешево приобретенного опыта. Но сейчас главное – уложить ее в постель, чтобы заснула. Все осталь-

ное – завтра.

Мельберг взялся за ручку, но дверь открыть решился не сразу – обдумывал все «за» и «против». «Против» явно перевешивало. А «за» голосовали только два обстоятельства. Во-первых, в этот пятничный вечер ему было совершенно нечем заняться. А во-вторых, ему не давали покоя темные глаза Риты. Но неужели только ради них он должен идти на нечто столь смехотворное, как курсы сальсы? И наверняка там полно оголодавших теток, которые приходят на эти курсы только ради того, чтобы снять какого-нибудь мужика. Жалкое зрелище. Он уже хотел было дать задний ход, купить на заправке чипсы и провести вечер у телевизора. Сегодня «Полный морозильник» со Стефаном и Кристером. Эти-то ребята понимают в юморе! Не успел он принять такое решение, как дверь открылась.

– Бертиль! Молодец, что пришел! Мы как раз начинаем. – Рита взяла его за руку и буквально втащила в спортзал.

Из мощного магнитофона на полу лились латиноамериканские ритмы. Мельберг с удивлением констатировал, что никакого бабьего царства тут и в помине нет – сколько женщин, столько и мужчин. Представившаяся было картина, как его рвут на куски голодные самки, мгновенно поблекла.

– Будешь танцевать со мной, – решительно сказала Рита, как-то незаметно перейдя на «ты». – Поможешь показывать движения.

Она вытащила новоявленного партнера на середину зала, встала напротив, взяла его руку и положила к себе на талию. Мельберг с трудом удержался от соблазна опустить немного руку и потрогать ее аппетитный зад. Он решительно не понимал мужчин, предпочитающих аноректичных костлявых девиц.

– Бертиль! Повнимательней, – строго сказала Рита и сделала какое-то движение. – Смотрите на нас с Бертилем. Значит, так, для дам: правая нога вперед, перенесли тяжесть тела на левую ногу, вернули правую на место. Для мужчин все наоборот – левая нога вперед, тяжесть на правую, вернули левую. Повторяем, пока не запомним.

Мельберг никак не мог взять в толк, о чем она говорит; его мозг почему-то отказался выдать ему даже такую фундаментальную информацию, как различия правого и левого. Какая нога вперед, какая назад... Но Рита оказалась хорошим учителем. Решительными движениями она подталкивала его, показывала на нужную ногу и через пару минут он, к своему удовольствию, начал кое-что понимать.

– А теперь покрутим задом, – преподнесла Рита очередную радостную новость. – Вы, шведы, немножко окостенелые, примороженные, что ли, но сальса – это движение, мягкое, согласованное движение партнеров.

Она показала, что имеет в виду. Начала крутить бедрами так, что это выглядело, словно по всему телу переливалась мягкая морская волна. Мельберг уставился на Риту как за-

чарованный. У нее все получалось так легко и просто, будто ничего естественнее, чем крутить под музыку задом, в мире не существовало и не могло существовать. Он попробовал ей подражать, но ничего не получилось. Его тазобедренные суставы отказывались подчиняться, и всякие попытки согласовать движения таза и ног неизменно приводили к короткому замыканию. Он остановился с растерянной миной.

– Это не так-то легко, Бертиль, требует тренировки, – сказала Рита поощрительно. – Главное – слушать музыку. И пусть тело следует за ней. Не смотри на ноги, смотри на меня. Когда танцуешь сальсу, ты должен смотреть даме в глаза.

Она впилась в него взглядом. Усилием воли он заставил себя не отводить глаз и не смотреть на ноги. Вначале ничего не получилось, но вскоре, руководимый Ритой, он почувствовал: что-то изменилось. Он словно бы впервые по-настоящему услышал эту музыку, этот зажигательный ритм. Бедра начали двигаться мягко и ритмично. Он смотрел на Риту все пристальней и пристальней, пока не понял, что погиб.

* * *

Кристиансанд, 1943 год

Нельзя сказать, чтобы Аксель любил рисковать. По натуре своей игроком он не был. Не был он и бесстрашен – боялся так же, как боялся бы на его месте любой другой. Все

объяснялось гораздо проще – он не мог сидеть сложа руки и размышлять о творящемся вокруг зле.

Он стоял у релинга. В лицо дул порывистый ветер. Аксель любил запах моря и втайне завидовал рыбакам: они вставляли чуть свет и работали дотемна, направляя траулер туда, где, по их мнению, была рыба. Он знал, что если он заикнется об этой зависти, его поднимут на смех. Сын доктора, перед которым лежит широкая дорога к образованию, к карьере, – завидует им! Мозолям на руках, провонявшей рыбой одежде... Завидует, что они, выходя в море, никогда не знают, суждено ли им вернуться. Они бы решили, что он над ними издевается. Но он-то, он каждой клеточкой тела чувствовал: это именно то, что, по его представлению, и называется жизнью. Конечно, он был образован, начитан, много повидал – но нигде так остро не испытывал чувство причастности, как здесь, в море, стоя на мерно качающейся, пахнущей рыбой палубе и подставив лицо свежему ветру. Он был здесь как дома.

Эрик же как дома чувствовал себя в мире книг. Когда он по вечерам, сидя на постели, лихорадочно листал тома, слишком толстые и слишком старые для того, чтобы кто-то другой, кроме него, проявил к ним интерес, – когда он читал эти книги, от него исходила эманация счастья. Он буквально глотал эти фолианты, жадно запоминая факты, даты, имена и географические сведения. Это восхищало Акселя, но и немного печалило. Они такие разные, он и его брат. А

может быть, тут играет роль разница в возрасте – четыре года. Они никогда не играли вместе, у них не было общих игрушек. И Акселью очень беспокоило отношение к ним родителей. Он был их любимчиком, они гордились им, осыпали его похвалами, в то время как Эрик всегда оставался в тени. Но как Аксель мог этому помешать? Никак. Единственное, что было в его силах, – делать то, что он считал нужным.

– Входим в гавань.

Аксель вздрогнул – он так погрузился в свои мысли, что и не слышал, как подошел Элүф.

– Я смоюсь сразу, как зачалимся. Меня не будет около часа.

– Делай, как знаешь, парень. Но будь осторожен. – Элүф похлопал его по плечу и вернулся на корму к штурвалу.

Через десять минут Аксель, убедившись, что за ним никто не наблюдает, спрыгнул на пирс. То тут, то там мелькали люди в немецких мундирах, но они были заняты своим делом – проверяли документы у экипажей непрерывно подходящих траулеров и барж. Сердце забилося. На берегу было довольно много моряков, но и они все находились при деле – разгружались, загружались, паковали и найтовили груз. Он старался выглядеть так же, как они, – слегка небрежно, ослабленно... Люди делают свою работу, и скрывать им нечего. На этот раз никакого груза с ним не было. Наоборот – сегодня ему предстояло захватить с собой какие-то документы. Он ничего не знал, не должен был знать, да и не хотел

знать об их содержании – ему поручили взять их и доставить в Швецию. Вот и все. Знал только, кому их следует передать по возвращении.

Инструкции Аксель получил простые и понятные. Тот, кто принесет бумаги, должен ждать в дальнем конце гавани, на нем будут синяя кепка и коричневая рубаха. Аксель приближался к условленному месту. Все нормально – юнгу со шведского траулера послали с каким-то поручением. Немцы не обращали на Акселя никакого внимания. Наконец он заметил нужного человека. Все правильно – синяя кепка, коричневая рубашка. Тот грузил в штабель ящик за ящиком и, казалось, был полностью сосредоточен на своей работе. Аксель пошел прямо к нему – твердо и целеустремленно. Ни в коем случае не осматриваться, не искать кого-то взглядом – уж тогда проще повесить на грудь мишень. Парню что-то поручили, и он идет выполнять задание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.